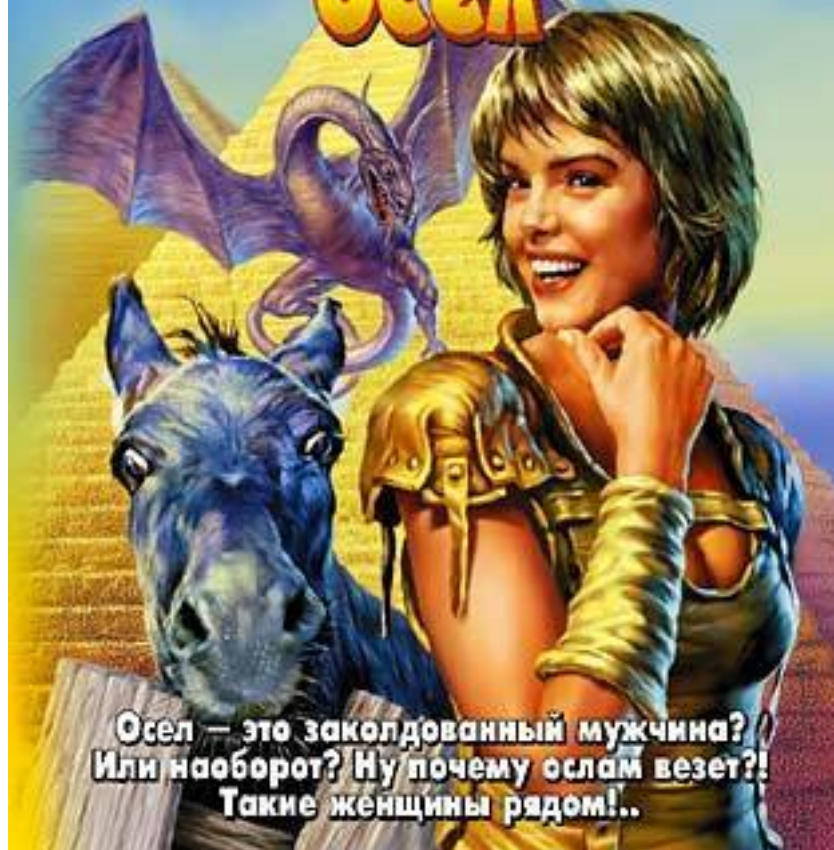

Андрей Чернецов

Владимир Лещенко

Серебряный осел

Осел — это заколдованный мужчина?
Или наоборот? Ну почему ослам везет?!
Такие женщины рядом!..

Орланда и Орландина

Андрей Чернецов
Серебряный осел

«Автор»

2005

Чернецов А.

Серебряный осел / А. Чернецов — «Автор», 2005 — (Орланда и Орландина)

Против них – древняя магия и новые боги, могучие владыки и разбойники, закон и обычай! Но они упорно идут к цели – приподнять завесу над тайной своего рождения, ну и по дороге спасти мир. А еще им предстоит помочь многим его обитателям, среди которых говорящий осел, старый леший, рыцарь ордена Мечехвостов, юный царь, лишенный трона, и даже сама императрица Клеопатра Семнадцатая... Встречайте – новые похождения неразлучной парочки – Орланда и Орландина снова с вами!

© Чернецов А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Часть первая. КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Лещенко, Андрей Чернецов

Серебряный осел

*Ни хитрому, ни умелому, ни в волшебстве искусному суда Божия
не избежать...*

Слово о полку Игореве

Часть первая. КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ

Глава 1 ЗАБРОШЕННЫЙ АЛТАРЬ

К тому времени, как девушки вышли к руслу мутной от недавних дождей реки, Орланда уже всюю принячивалась к соблазнительным запахам свежего хлеба и колбасы, исходящим от мешка на спине Орландины, а желудок ее подавал недвусмысленные сигналы бедствия. Но привыкшая уже к походной дисциплине девушка терпеливо сносила тяготы, позволив себе расслабиться лишь на относительно сухой полянке со следами старого кострища.

Наконец сестра, видать бессильная дальше сопротивляться призывам собственного желудка, скомандовала: «Привал!!!»

Они молча закусили окороком и колбасой с холодной ячневой кашей – угощением, полученным утром от крестьян за мелкую услугу, – тем зачем-то позарез потребовалось заковать духа-хранителя соседней дубравы. Мол, желуди в осень уродились менее крупными, отчего свиньям уважаемых селян уже в недалеком будущем могла грозить голодная смерть.

На взгляд Орландины, желуди были вполне нормальные. Но известное дело – голод не тетка. Голод дядька, к тому же злощип и жестокий...

Так или иначе, Орланда честно пропела под сенью опавших дубов пару молитв, выложила крест из камней на опушке... Хорошо хоть в проповеди не ударились! А то был уже случай.

Святой Симаргл! Как они удирали от толпы поклонников Кибелы в том захолустном городишке. Как его там, Аквы Секстиевы, что ли? Асинус еле за ними поспевал. А их лопухий спутник, даром что неказист на вид, отличается редкостной резвостью и проворством. Да и поднимает раза в два больше обычного осла!

Ох, что бы они без четвероногого делали!

А ведь Орландина бранила сестру, когда та, вместо того, чтобы бросить серого на берегу, отдала целых двадцать денариев, обеспечив Асинусу место в трюмном стойле на плавучем корыте, которое ходило из Нового Карфагена в Массилию!

«Да за такие деньги мы на суше нового купим! Тоже мне, царица Савская выискалась! С Крезом вместе!»

Христианка ничего не ответила. Только посмотрела на воительницу таким кротким взглядом, что Орландина лишь тяжело вздохнула и полезла в кошелек.

Теперь и вспомнить стыдно.

Верный Асинус уже не раз доказывал, что уплаченные за него пять солидов были выгодным размещением капитала.

И вовсе он не серый, а серебристый, словно седой. Хотя откуда ж взяться седине? Судя по зубам, ему и трех лет еще нет. Совсем молодой.

Движимая какой-то непонятной нежностью, амазонка погладила шелковистую челку, спадавшую ослику на глаза.

– Серебряный ты наш!

Асинус оторвался от морковки и уставился на девушку печальными глазами.

Воспользовавшись паузой, Ваал утащил недоеденный корнеплод прямо из-под ослиной морды и одним махом разделался с огрызком.

За время их странствий пушистый зверек заметно попривык к четвероногому собрату и даже разделял с ним трапезу. По-братски. То есть кто первым успеет завладеть более лакомым куском и проглотить его. Соревнования, как правило, выигрывал кусик. Куда неповоротливому ослу угнаться за проворным зверьком, изрядно поднаторевшим в промысле съестного. Асинус обычно не лез в бутылку. Что возьмешь с прожорливого малыша?

Вот и теперь он и ноздрей не повел в сторону нахала.

Посмотрел минуты две-три на Орландину, коротко всхрипнул и огласил окрестности жалобно-протяжным воплем:

– И-а! И-а!! И-а!!!

У амазонки даже уши заложило.

Идти стало тяжелее.

Шли вверх по течению, держась руслу, благо осенние паводки остались далеко в прошлом и река обмелела. Но все равно приходилось горными козами скакать по камням, а иногда продирались сквозь заросли на берегу.

– Дорога должна быть где-то рядом! Я чувствую! – изрекала Орландина, пока они углублялись все дальше в девственный лес.

Орланда же бормотала себе под нос, что чувствует лишь холод и промозглую сырость, да еще запахи недоеденной колбасы.

По совести говоря, надо было возвращаться к реке и смиренно следовать вдоль течения, но Орландина, шедшая впереди, упрямо двинулась налево, к зарослям барбариса.

Пробившись через них, они выбрались на обширную прогалину, где возвышались обветренные бурным плющом развалины.

Что-то похожее на большой склеп с маленькими окошками, окруженный забором из кое-как тесанных глыб известняка, рухнувшие ворота, каменное корыто, из которого поили лошадей и мулов...

Все очень старое, если не сказать древнее.

– Это осталось от старой империи, – молвила Орланда, когда они устроились на отдых.

Кусик, которому досталась шкурка от колбасы, согласно хрюкнул.

– Им лет шестьсот, не меньше. Интересно, что тут было в такой глуши? Храм какого-нибудь лесного божества? Вон и алтарь стоит.

– Эргастул тут был, – бросила, не оборачиваясь, амазонка. – Тюрьма для рабов. Тут, видать, раньше было имение какого-нибудь патриция. Это сейчас все лесом заросло...

– С чего ты взяла?

– Я на такие на Сицилии насмотрелась – там рабов много. Вот было мучение. Если враг засел в такой, считай, все. Только диким огнем и выкуришь.

Между тем их четвероногий и ушастый спутник внезапно встревожился.

Несколько мгновений стоял, принюхиваясь к чему-то, и сестры забеспокоились. Вдруг он чует диких собак – единственного хищного зверя в Италии (правда, стоили они всех волков вместе взятых).

Но потом случилось нечто непонятное.

Радостно закричав, осел устремился к почти развалившемуся домику привратника.

Причина его поведения обнаружилась сразу и заставила сестер удивленно посмотреть друг на друга.

Осел принялся жадно пожирать увядшие и почерневшие соцветия с розового куста, невесть как уцелевшего тут, а может, выросшего из занесенных птицами семян.

– Разве ослы едят розы? – слегка растерянно спросила бывшая послушница.

Кусик на ее плече согласно хрюкнул – не едят.

– Может, он заболел?

– Откуда мне знать? – пожала плечами Орландина. – Я в ослах не разбираюсь. Вот в конях чего-то понимаю; в верблюдах, даже в боевых слонах. Ну, уж вендийского от африканского как-нибудь отличу. А вот насчет ишаков...

Не до проблем четвероногого спутника ей было, по правде говоря.

С того самого проклятого-распроклятого дня, когда она подрядилась на мелкую, на вид простую работенку, вся ее жизнь покатила кувырком.

А ведь всего-то и требовалось, что обменяться свертками в условленном месте и принести товар заказчику. Кто ж его знал, что «товаром» окажется пакет с «синей пылью» – страшным наркотиком, равных которому по убийственной для человека силе не сыщешь на всем Гебе. Она и сама бы не узнала, если бы не угодила под облаву, затеянную шефом тайной полиции Сераписа ныне покойным Марцианом Капеллой. А как узнала, то сразу поняла: вляпалась в дерьмо по самое не хочу.

Тут еще встретила свою сестру-близняшку, о существовании которой даже не подозревала. Та была послушницей женской христианской обители Марии-Магдалины, куда попала еще в младенческом возрасте.

Надо же! Столько лет прожили в Сераписе, можно сказать бок о бок, и ни разу не встретились. Хотя, конечно, где бы пересечься их путям. Орландина была амазонкой, прознатчицей Сераписского легиона вольных воинов. С малолетства в седле, с мечом в руке, в походах и боях. А Орланда в тиши монастырских стен молилась своему Христу да корпела в библиотеке над папирусами.

Корпеть-то корпела, но (до чего же странными бывают капризы Фортуны) влипла в такую же, как и сестра, историю: поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. И этим «что» стал мешочек с отборными драгоценными камнями, за один из которых вполне можно было купить небольшой дом в центре Сераписа.

Вероятно, сестры сунули свои прелестные носики не в свое дело. Потому как сразу же ощутили это на своих не менее прелестных шейках. Орландина познакомилась с сестрой при весьма необычных обстоятельствах. А именно – спасла ее от наемных убийц, посланных настоятельницей монастыря Кезией (это они, конечно, уже после вычислили, кто был заказчиком нападения). Потом выяснилось, что за ними в Сераписе ведется настоящая охота. А стоят за всем этим *такие* люди, что лучше не торчать у них на пути. Все указывало, что свой интерес в этом деле имеют префект-наместник Британии Арторий и его советник, верховный понтифик островов Мерланиус.

И вот, с двумя злополучными мешочками да с парой монет, собранных боевыми товарищами амазонки, близняшки бежали за тридевять земель.

Добрались до самого Тартесса, надеясь отсидеться за его высокими и толстыми стенами. Не тут-то было! Держава потомков атлантов увязла в гражданской войне, вызванной престолонаследственной склокой. И навести порядок в союзной державе престарелый август Птолемей Сорок Четвертый поручил не кому другому, а легату Десятого и Одиннадцатого легионов, дуксу Камелодунума, Лондиния и Эбуракума, «первому мечу Империи» Арторию.

Пришлось снова бежать.

И где этот неистовый бег остановится, чем закончится, не видать и даже не придумать.

То есть придумать-то можно, но больно страшно.

Собственно, передышки у них за этот месяц было четыре дня, которые они провели в Новом Карфагене после бегства из Тартесса. Да и то...

Уже не в первый раз Орландина ругала себя последними словами за ту передышку. Если б они в тот же день пересели на судно, идущее в Гадес, или добрались туда по суше и сразу отправились за Океан, то уже давно были в безопасности.

Пиши бы сейчас где-нибудь в королевстве Аунако ананасовый сок под кактусами, заедая шоколадом, и думать бы забыли о всяких британских наместниках, магах-жрецах, «синей пыли» и всем прочем. Потихоньку продали бы камни. Пусть настоящей цены за них бы и не дали, но сестрам бы за глаза хватило и половины. Жили бы не тужили, вышли замуж со временем. Заокеанские парни, между прочим, не хуже иных мужчин. Чего еще нормальной девке надо?

А вместо этого вот теперь блуждают по этим лесам, вздрагивают при виде самого паршивого сельского стражника, ночуют у костра и едят то, что удастся добыть путем мелкого обмана и борьбы с сомнительной нечистью.

Правда, все чаще ей приходила в голову странная мысль.

Ну пусть бы они успели отплыть из Нового Карфагена в Гадес до того, как Арторий запретил все внешние морские рейсы *«до особого распоряжения»*. Все равно ТЕ или ТОТ, преследовавший их все эти бесконечно долгие месяцы (а ей все чаще казалось, что за их бедами стоит отнюдь не неудачное стечение обстоятельств, но некая злая сила), вряд ли позволил бы им так просто ускользнуть из своих щупальцев за Океан.

Определенно случилась бы какая-нибудь пакость. То ли корабль захватили бы пираты, говорят, в последнее время особенно рьяно взявшиеся за идущие через Великое Море суда. То ли в Гадесе их сцапала бы стража.

А впрочем, чего гадать?!

Поздно думать и негоже сожалеть о несбывшемся.

Нужно как-то выбираться из этих «сетей зла».

Конечно, их первые шаги были продиктованы безысходностью. С каких бы это фавнов они поперлись в самую глубь Империи, если бы не злополучный запрет? Хвала богам, что еще успели вскочить на корабль, идущий в Массилию.

Буквально на следующий день Арторий вообще закрыл порт Нового Карфагена, а затем и все порты Испании. В портовых городах ввели комендантский час, начались облавы и аресты. Кого искали – не сообщалось. Известно было только, что это весьма опасные государственные преступники, решившие посягнуть на священную особу государя.

Вот уж кто был Орландине до задницы. Этому несчастному Александрийскому затворнику Птолемею всего ничего оставалось до встречи с Плутоном-Осирисом. Сам как-нибудь очокуритя без их с Орландой помощи.

Хорошо бы, конечно, добраться до Александрии. А там встретиться с херихебом Потифаром из Фив, к которому ей советовала обратиться подруга ее приемной матушки, Смолла. Вдруг и поможет в беде. Но до столицы Империи ой как не близко.

Проще достичь Сицилии, оттуда перебраться в старый Карфаген, а потом сушей в Мавретанию. Из Тингиса или Ликса вполне можно зафрахтовать корабль до Аунако. За пару блестящих камешков любой тамошний капитан согласится рискнуть головой. Мавретанские мореходы всегда славились бесшабашностью и плевать хотели на имперские законы. Им плевать и на августа, и на Артория, и на всех патрициев Империи вместе взятых.

Тем временем Орланда, немного отдохнув, занялась своим излюбленным делом – принялась исследовать местные «достопримечательности».

Кусик подозрительно уставился на хозяйку, громко фыркнул, явно не одобряя ее легкомысленного поведения. Ишь, чего удумала. А вдруг там, в развалинах, злобный хищник притаился и только и ждет, чтобы кто-нибудь любопытный забрел. Тут-то зверюга и выскочит.

Нет, надо бы присмотреть за непутевой.

И толстенький пушистый зверек, немного похожий на крысу, но без хвоста и с большими круглыми ушами, степенно засеменил следом за подругой. За ними подался и заскучавший Асинус, уже успевший полностью разделаться с розовым кустом.

Опасения Ваала, к счастью, не оправдались. Эргастул, или как там его, оказался пустым.

Девушка разочарованно покрутилась, позаглядывала туда-сюда, однако отыскать чего-либо примечательного не смогла. Разве что обнаружила несколько надписей, сделанных на дурной латыни и не менее скверном ахайском наречии: «Секст убьет Авла!»; «Чтоб тебя быки забодали, Донат».

И уж совсем тоскливое: «Все мы подохнем».

Бывшая послушница вздохнула.

Бедолаги.

– Упокой, Господи, их души, – истово перекрестилась.

Почему-то вспомнился день, когда они высадились в Италии. Корабль пришвартовался поздним вечером, и сестрам пришлось заночевать в какой-то таверне на чердаке, на сеновале (за что с них содрали изрядную сумму).

Утром они пробудились от шума многих голосов – постояльцы обсуждали в таверне какое-то событие.

– Что случилось? – спросила Орланда рабыню хозяина, проносившую мимо ведро с помоями.

Выяснилось, что взволновал собравшихся дикий слух, будто Тартесса больше не существует. Что он-де разрушен армией, приплывшей из-за океана и состоявшей из кровожадных дикарей маййяр.

Их колдуны, мол, заколдовали стражу, превратив ее в козлов, после чего меднокожие ворвались в город и всех вырезали от мала до велика.

Дверь в таверне скрипела ежеминутно. Люди приходили и уходили. Они садились с растерянными лицами за стол, требовали вина и закуски и обсуждали эту новость.

За соседним столом огорченный событиями торговец жаловался:

– Как же мне быть? Я сорок тысяч сестерциев вложил в торговлю в Тартессе! Это все мое достояние. А теперь что же мне делать?

– Ну и попадет же теперь Арторию! Август с него шкуру сдерет! – злорадно комментировал кто-то.

– Да, в самом деле, что случилось с прокуратором? Его тоже превратили в козла?

– Насчет прокуратора не знаю! – изрек почтенный старик в одеянии странствующего жреца Аполлона. – Но если это и так, то известно, за что боги наказали этот город.

– Ну и за что?

– За убиение царя! – изрек жрец.

– Как?! – невольно вырвалось у Орланды.

– А ты не слыхала? Умертвил юного царя Кара телохранитель, дикарь из варварских земель, а тело выбросил в море. И бежал, драгоценности захватив, с отрока снятые. Ну, это так говорят, только, думаю, прикончил парня Аргантоний, дядька его, чтобы претендента на трон убрать.

Орланда потом полдня ходила сама не своя, вспоминая мягкую улыбку мальчика и его печальный голос.

Выходит, переоценил он ум своего родственника...

Негромкий шорох привлек ее внимание.

Что там такое?

Кажется, это со стороны алтаря.

На мгновение Орланде показалось, что у мраморного куба мелькнула неясная тень.

Да нет, почудилось. Наверное, усталость сказывается.

Заброшенный алтарь являлся подлинным произведением искусства. Воздвигнут он был, судя по всему, в честь какой-нибудь местной нимфы. Ее изображения помещались на всех четырех гранях. Прекрасная полуобнаженная девушка то танцевала, то нюхала цветок, то, склонившись к земле, ласково гладила некую мелкую зверушку. Древний мастер также украсил жертвенник причудливым орнаментом из плодов, листьев и цветов. Местами рельефы были побиты мхом и временем. И все же большей частью резьба сохранилась довольно неплохо. Словно кто-то ухаживал за алтарем, не давал ему прийти в полную негодность, надеясь на то, что еще затеплится на нем священный огонь, понесутся к небу клубы жертвенного дыма.

Рядом всхлипли.

Покосившись, девушка увидела, как Асинус кивает головой, будто совершает перед алтарем обряд поклонения. И при этом чудно фыркает.

– Ты чего, приятель? – ласково обратилась она к ослу.

Ушастый совсем по-человечески вздохнул и снова всхлипнул. Орланде даже показалось, что на глазах у животного выступили слезы.

– Не горюй, дружок, прорвемся, – пообещала. – Давай-ка я тебя почищу да причешу.

Нарвав травы и соорудив из нее мочалку, она принялась охаживать ослиные бока. Асинус благодарно принимал знаки внимания. Замер, даже веки прикрыл от удовольствия. А вот кусик явно приревновал хозяйку к хвостатому. Взобрался тому на холку и укусил осла за длинное ухо. Небольно, но ощутимо, чтоб помнил, кто здесь главный.

Орланда рассмеялась.

Ни с того ни с сего припомнилась простенькая песенка, которую она пару раз слышала на улице в Сераписе. Запела звонким голосом:

В детстве гадалка мне одна
Предсказала, будто я,
Если сильно полюблю,
То любимого сгублю.
Что измены не прошу
И жестоко отомщу:
Не нарочно, но со зла
Превращу его в осла...

Асинус дернулся всем корпусом.

– Что ты, что ты, глупыш, это ведь не про тебя.

Он очень милым парнем был,
Но зачем он изменил?
И тогда все началось:
Предсказание сбылось.
И внезапно над собой
Потеряла я контроль,
И несчастный стал стонать,
Серой шерстью обрастать...

– Дурацкая песня! – фыркнула подошедшая к ним Орландина.

Эту пастушью песенку она, конечно, знала. Но не думала, что и сестра знакома с подобными образчиками простонародного творчества.

Бывшая послушница согласно кивнула, но петь не перестала:

Мой любимый навсегда
Жить остался у меня,
И за мною по пятам
Он ходил и тут и там.
Замечала я порой,
Как страдает милый мой,
И жалела я осла,
На лугу его пасла.

– Подхватывай, а? – подмигнула Орланда амазонке.

Та пожала плечами. Еще чего.

И вдруг слова сами полились у нее из груди:

Я хотела как-нибудь
Облик милого вернуть,
Я старалась, как могла,
Но ничем не помогла.
Он копытами стучал,
Он по-ослиному кричал
И хвостом своим вертел,
Человеком быть хотел.
Ведьма я, эх, ведьма я —
Такая вот нелёгкая судьба моя.
Силой я наделена,
Но на беду любовь моя обречена.
Понял он, что обречен
До заката своих дней
Быть страдающим ослом
Под опекою моей.
И в итоге, наконец,
Он приблизил свой конец —
Что-то выпил, что-то съел
И, бедняга, окошел.
Ведьма я, эх, ведьма я —
Такая вот нелегкая судьба моя...

Сестры закончили петь, посмотрели друг на друга и... расхохотались. Потом обнялись и, бросившись на землю, покатались по траве, награждая одна другую легкими шлепками и тумаками.

– Ну, право, дети малые! – раздался над ними мелодичный, похожий на соловьиный трель голос.

Близняшки застыли, словно две поверженные наземь мраморные статуи.

Первой опомнилась Орландина.

Мгновение – и она уже на ногах, с выставленным впереди себя коротким мечом скрамасаксом.

– И не стыдно вам? – с укоризной глянула на амазонку высокая красивая девушка, у которой волосы почему-то были зеленого цвета. Но такие длинные и густые, что обвивали изящную девичью фигурку, спускаясь до самой земли.

Как отметила прознатчица, никакой иной одежды на их неожиданной гостье не было.

– Ты кто? – по-волчьи оскалила зубы воительница.

– Хозяйка здешняя, – величественно выставила вперед высокую грудь странная дева.

– Видали мы таких... хозяев, – презрительно сплюнула Орландина.

– Не бранись, – дернула ее за полу ставшая за спиной Орланда. – Она и впрямь здесь госпожа.

В зеленоволосой красавице девушка с удивлением узнала ту самую плясунью, чье изображение было вырезано на алтаре. Да и чувствовалось в ней что-то *такое*, особенное, заставлявшее непроизвольно склонить голову в знак уважения.

– Ты сказала! – подтвердила красотка. – Я нимфа. А зовут меня Меотида.

– А мы... – хотела в свою очередь представить себя и сестру бывшая послушница, но нимфа остановила ее небрежным жестом руки:

– Не трудись, я знаю ваши имена.

– Слышала небось, как мы перекликались, – проворчала Орландина, хоть и поверившая в то, что видит перед собой лесное божество, но не желавшая так просто поддаваться обаянию зеленоволосой, которое так и обволакивало.

Меотида не отреагировала на грубость.

– Не стыдно, говорю, над бедным парнем измываться? – уставив руки в боки, спросила грозно.

– Над каким еще парнем? – оторопела Орландина.

– Что ты там несешь? – подхватила и прознатчица.

– Вы только гляньте на него, негодные! – ткнула нимфа пальцем куда-то за их спины.

Сестры одновременно повернулись и не увидели перед собой никого, кроме своего верного Асинуса, стоявшего с понурой головой.

– Так где парень-то?! – нетерпеливо прошипела Орландина.

– Да ты никак слепая? – удивилась лесная богиня.

– Ну осел... И что?...

– Ты хочешь сказать, – внезапно перебила сестру пораженная догадкой Орланда, – что наш осел...

Она не договорила. Слишком невероятной была мысль, пришедшая ей в голову. Нимфа пожалала плечами:

– Ну да. Это парень, превращенный кем-то в осла. Обычное дело.

– Ага, ага, – согласно закивала амазонка. – Прямо на каждом шагу мужиков в ослов превращают. Каждый второй – вылитый ишак. Слышь, Асинус, – язвительно обратилась она к длинноухому. – Так ты, может, и говорить умеешь?

И сама рассмеялась своей шутке.

– Конечно, умею, – печально вздохнул четвероногий. – И зовут меня вовсе не Асинус, а Стир. Стир Максимус. Со свиданьем, Ласка...

Заслышав человеческую речь из уст приятеля, Ваал в ужасе свалился с ослиной спины, где по-хозяйски расположился покемарить после сытного обеда.

«Что за ху...» – было последней мыслью амазонки.

Затем накатила тьма.

– Ах ты! – только и всплеснула Орландина руками, глядя на валящуюся с ног сестру и моментально забыв обо всем прочем.

Ее сестра упала в обморок, словно патрицианка, увидевшая лезущего в окно голого пиратского боцмана из полупристойной песенки. Орландина, не страшившаяся ни стрел, ни

мечей, способная разделаться (голыми руками со здоровым мужиком и ударом кулака разбить черепицу, лишилась чувств.

Глава 2

ЧЕЛОВЕК В ЗВЕРИНОЙ ШКУРЕ

Стир проснулся среди ночи. Костер догорал, надо бы подняться и подбросить хвороста, но ему и так было тепло. Он удобно устроился на мягких еловых ветках, сладко пахнущих хвоей, и встать у него никакого желания не было.

Парень не знал, сколько проспал, но, судя по положению луны, мелькавшей в темных облаках, бегущих по небу, прошло часа три.

Где-то в темноте ухнула сова, и снова стало тихо, сверчки и те притихли. Зловещая тишина висела над лесом.

Артист насторожился, ему не нравилось это звенящее безмолвие, непонятное чувство тревоги зашевелилось где-то глубоко в душе.

Конечно, поспешное бегство из Тартесса и игры в прятки с наводнившими местность отрядами солдат и разбойников не прибавили ему оптимизма, но что-то подсказывало сейчас, что угроза ему не чудится. Он сел и огляделся по сторонам, однако сквозь тьму, окутавшую лагерь своим саваном, ничего нельзя было разглядеть.

Внезапный толчок и порыв ветра заставили его вскочить.

Стир прислушался – вроде тихо. Лишь кричала во тьме испуганная чем-то птица. Чем-то или КЕМ-ТО??!

Он уже решил было, что ему померещилось, но тут совсем рядом послышались голоса нескольких человек. А потом раздалось жуткое сипение, от которого у певца кровь застыла в жилах.

Вскочил, хватаясь за рукоять ножа. Все страшные сказки из детства о людоедах и оборотнях из лесных чащ ожили в его памяти.

От того, чтобы бежать прочь со всех ног, удержала лишь мысль, что он наверняка выдаст себя.

А потом вдруг вместо того, чтобы сидеть тихо, как мышь под метлой, начал осторожно пробираться к источнику шума.

И стоило ему сквозь все еще густой полог листвы выглянуть на средней величины поляну, освещенную пламенем нескольких костров, как он замер ни жив ни мертв.

Ибо на поляне расположился самый настоящий *дракон*.

Огромная голова на длинной шее была украшена двумя загнутыми остроконечными рогами. Мутные желтые глаза горели злобой, разъявленная пасть демонстрировала набор острых клыков. Две когтистые голенастые лапы переступали по земле, бороздя ее длинными кривыми когтищами. Гибкий хвост загребал опавшие листья. Узкие, черные крылья, похожие на крылья нетопыря, даже сложенные, могли вызвать ужас своими размерами.

Но самое потрясающее было не это. У ног кошмарного чешуйчатого гиганта стояли и как ни в чём не бывало беседовали несколько человек.

Двое, насколько мог понять юноша по дорогим пурпурным плащам и блеску золота на пальцах и шеях, принадлежали к знати.

Двое других – маленький пузатый коротышка, говоривший на латыни с греческим акцентом, и громадный полуголый громила, на чьем поясе болтался меч, который сам Стир навряд ли поднял бы, стояли чуть в сторонке в почтительных позах.

И был еще пятый – худой, уже в возрасте, опирающийся на длинный посох.

Этот человек был облачен в белый балахон с накинутой поверх него леопардовой шкурой и обут в мягкие войлочные сапоги. На его бритой голове набекрень сидела расшитая бисером шапочка, из-под которой выбивалась длинная прядь седых волос.

Дракон прикрылся кожистым крылом.

Тварь не любила темноты и холода. А бледно светившая с неба Селена вызывала у гиганта безотчетный ужас. Но летать ночью приходилось, ибо такова была воля Повелителя.

Кроме того, хотя он и ел недавно, но голод давал знать о себе. Как назло, ничего съедобного, не считая мелких мышей и птиц, вокруг не наблюдалось.

Правда, в зрелых его ночное зрение различало человека.

Но Повелитель запрещал ловить и есть людей, разве что он бы лично приказал сожрать кого-то. Однако на всякий случай существо, не умевшее говорить, но способное в любой момент связаться с Повелителем мысленно, поинтересовалось у хозяина: нельзя ли подкрепиться случайным человеком?

– Осмелюсь спросить тебя, достопочтенный Мерланиус, – обратился к костлявому коротышка. – Как все же тебе удалось приручить это чудище? В книгах, повествующих о мудрости Чжунго, я читал, что драконы не восприимчивы к магии?

– Тут нет никакой магии, достойный Стратопедавт, – благосклонно изрек чародей. – Все очень просто. Этот дракончик вылупился из яйца у меня дома и был воспитан мной с самых первых дней жизни. Если на то пошло, он считает меня своей матерью...

При последних словах здоровяк с мечом ухмыльнулся, но, поймав легкое недовольство на лице понтифика, тут же унялся.

– Ты сумел похитить яйцо из драконьего гнезда? – теперь уже изумился до глубины души один из знатных воинов, лицо которого украшала козлиная борода.

– Нет, Гавейн, все проще и в чем-то сложнее. Иногда в глубинах земли находят окаменевшие кости древних существ, в том числе и драконов. Но порою отыскивают и их яйца. Мне повезло найти те, которые еще хранили в себе тень давней жизни, и я сумел их оживить. В сущности, это было не так трудно само по себе. Пригодные яйца куда труднее отыскать, – как бы размышлял вслух Мерланиус. – Но и это возможно. В конце концов, когда-то подобные нашему крылатому другу создания были обычными обитателями этого мира...

Грек кивнул.

В том же Чжунго торговали «костями дракона» с давних пор. В храмах Империи иногда выставляли останки, будто бы принадлежавшие циклопам и титанам. Но, по словам Учителя (а Стратопедавт смел считать себя учеником Мерланиуса), все эти кости людей-исполинов, демонстрируемые как святыни или останки существ, живших до потопа, принадлежат не роду человеческому, а животным, которые обитали на планете за миллионы лет до того, как появились люди.

Люди...

А относится ли к ним их господин?

Человек науки, привыкший во всем полагаться на собственный разум, Стратопедавт не верил ни в богов, ни в демонов (а кто этих богов и тех демонов видел; мелкая домашняя, лесная и морская нечисть, разумеется, не в счет), но чувствовал, как его скептицизм с каждым днем становится все менее прочным. По мере того как он все ближе узнавал личность, с которой свела его судьба.

Откуда же ОН?

Пусть богов и демонов и в самом деле нет. Но, может, есть другие странные существа, не уступающие тем в мощи.

Вдруг он из подземного царства змеелюдей-нагов, лежащего под землей, о которых говорят вендийские предания? Или из Анна-Онна – страны сидов и мертвых, лежащей внутри полых холмов Эйрина и Британии? Или из того потустороннего мира, куда путь лежит «сквозь воду и по воде», – о нем гласят тайные книги мудрецов Персии и Арабии? Или из иных потусторонних сфер? Или с дальних звезд; говорят, там живут люди, похожие на людей Земли?

Душа Стратопедавта замирала в сладком ужасе при мысли о том, кем или чем мог быть его господин, наставник, благодетель...

– Я удовлетворил твое любопытство?

– О да, разумеется! – склонил голову грек.

– В таком случае, Горро, – обратился жрец к великану с мечом, – пойди и принеси вон из тех кустов того нахального молодого человека, который позволяет себе слушать чужие разговоры.

Стир даже не сразу понял, что речь идет именно о нем. Вернее, понял это на несколько мгновений позже Горро, который, взревев, кинулся прямо на певца.

Юноша было ринулся прочь, но куда там!

Под ноги попался корень, сучья вцепились в плащ, и, прежде чем артист освободился, чьи-то могучие ручищи выволокли его на поляну, а не менее мощный пинок швырнул наземь.

Растерянно озираясь, Стир встал.

– Здравствуйте, – с глупой улыбкой произнес он, глядя на костлявого. – Я вот мимо шел...

– Это не важно, – сухо бросил тот. – Он видел нас.

И в этот момент, словно получив неслышный приказ, чудовище направилось к Стиру, подминая кусты и траву.

Поэта охватила паника.

Мимолетным ударом железной руки, от которого у певца все внутри буквально оборвалось, Горро сбил его наземь. Затем поднял и встряхнул за шкуру, словно щенка. Парень повис в руке великана, медленно вращаясь над землей, точно мешок на крюке.

Барахтаясь в воздухе, Стир заорал и даже пару раз ухитрился стукнуть киммерийца кулаком под дых. Но твердая длань Горро по-прежнему удерживала его на весу.

В свете полной Селены юноша в подробностях разглядел ящера.

Тварь была страшна и вместе с тем отличалась какой-то извращенной красотой. Голова почти ровной четырехугольной формы, подобная голове морского крокодила, только еще уродливей и страшнее. Шкура металлически-бурого цвета, украшенная черными пятнами, трехгранный хвост, напоминающий клинок. Длинное худое тело, белесое брюхо, под которым болталась огромная (уж побольше, чем у человека) мужская снасть. К тому же чудовище изрядно смердело.

Дракон, как показалось Стиру, с любопытством изучал болтающегося в воздухе певца. А потом на лбу, чуть выше светящихся желтых глаз, вдруг открылось третье око – маленькое и красное.

Юноше безумно захотелось потерять сознание, но, несмотря на весь ужас, испытываемый им в эти мгновения, он оставался в здравом уме и твердой памяти.

– Так как, господин, покормим дракошку? – осведомился исполин у понтифика и приподнял беспомощно болтающегося поэта повыше, словно предлагая его рептилии.

Ящер с готовностью наклонился, отверзая пасть.

Коротышка закрыл лицо руками, оба воина отвернулись, причем Стир успел различить на лице «козлобородого» брезгливую жалость – как к мыши, терзаемой кошкой.

– Подожди, Горро, – прозвучал скрипучий голос. – Наша «птичка» уже ела и может отяжелеть. А ведь нам с нею еще лететь весь завтрашний день. Я придумал кое-что получше. Давно хотелось проверить одну вещь... Отпусти-ка его.

Здоровяк швырнул Стира наземь, так что тот оказался на четвереньках, и тут же отскочил подальше.

Прижав посох к груди обеими руками, старик начал что-то бормотать.

Стир, понимая, что ничего хорошего его не ждет, приготовился было задать деру.

Но внезапно почувял, как одежда на нем расплзается клочьями, словно ветхая от старости ряднина.

Еще несколько секунд – и вот он оказался совершенно голым.

Горро захохотал:

– Ничего цыпленочек, а, Стратопедавт?!

Ученый промолчал, потрясенно наблюдая за происходящим.

– Святой отец, так ли необходимо все это? – поморщился младший из воинов.

– Он видел нас, Парсифаль! – не разжимая челюстей, процедил старец. – Мы не можем так рисковать!

Навершие его жезла вспыхнуло, выбросив конус мертвенного синеватого света, подобного болотным огням.

Свет густел, наливался силой, и вот уже перед стоявшими на поляне возникло что-то похожее на большое фосфорически сияющее яйцо.

Оно бешено завертелось вокруг своей оси, будто веретено в руках пряжи. А потом вдруг лопнуло, беззвучно растаяв, и глазам присутствующих предстал...

– Ай-ай-ай, не могу! – загоготал, заходясь от щенячьего восторга, Горро, хлопая себя по ляжкам. – Осел!! Ну и ну! Это ж надо было придумать! Осел!!

– Нет! Нет! Не может быть! – с ужасом заорал Стир.

Но вместо членораздельной речи ночной лес огласило жалобное:

– И-а! И-а!

И тут спасительная тьма накрыла его сознание.

– Когда я очнулся, – закончил несчастный поэт, обливаясь слезами, – уже наступило утро. На поляне никого не было...

– А как ты попал к тому крестьянину, у которого мы тебя купили? – спросила всхлипывающая Орланда.

– И когда понял, что таки умеешь нормально говорить? – присоединилась к сестре амазонка.

Во время Стирова рассказа она не проронила ни слова и лишь скрипела зубами при всяком упоминании поэтом имени верховного понтифика Британии.

– Ой, да практически сразу же. Лишь взглянул на солнышко и сразу же начал слагать печальную песнь о своей горькой участи. Вот, послушайте.

Задрав голову к небу и выставив вперед правую переднюю ногу, поэт взревел:

О, шкура бедная моя,
Копыта, уши, хвост...

– Дай святой Симаргл терпения! – закатила очи горе Орландина. – Как-нибудь потом споешь. Сейчас не время и не место.

Ваал был с ней полностью солидарен. Когда его четвероногий и хвостатый друг «запел», кусик снова спрятался в котомку Орланды, откуда, в конце концов, было вылез.

– Отчего же? – воспротивилась нимфа. – Пусть продолжит. По мне, так совсем неплохо. Давненько не слыхала такой экспрессии.

Воительница злобно зыркнула на зеленоволосую. Ишь, любительница лирической поэзии нашлась.

– Потом так потом, – покладисто согласился осел и вздохнул. – Такова планида несчастного певца. Отовсюду его гонят, никто не хочет заглянуть ему в душу, посочувствовать.

– Ой, да сочувствуем мы! – всплеснула руками бывшая послушница. – С чего ты взял, что нам все равно?

Она никак не могла прийти в себя.

Нет, конечно, Орланда читала в книгах о подобных чудесах. У того же Лукиана и бесподобного Апулея. Но полагала это не более чем выдумкой, плодом вдохновенной фантазии сочинителей. А здесь такое творится у нее на глазах!

– А к селянину я попал очень даже просто, – продолжил немного успокоившийся Стир. – Когда я вы шел из леса, то набрел на капустное поле. Мучимый лютым голодом и не менее тяжкими душевными муками, стал ощипывать кочан. Тут откуда ни возьмись выскочил этот поселянин и принялся осыпать меня площадной бранью и увесистыми ударами дубинки. О, злая Фортуна!

Осел в очередной раз залился слезами.

– Перестань ныть! – возмутилась Орландина. – Ты же мужчина!...

И тут же заткнулась, поняв, что ляпнула глупость.

– Я, натуральным образом, возмутился. И спросил его, а не много ли он себе позволяет? Видели бы вы рожу несчастного. Он едва сам не лишился дара речи, услышав мою.

Орланда, живо вообразив себе эту картинку, не сдержавшись, захихикала. Ее поддержала и нимфа. Меотида вообще была беззаботной хохотушкой, смеявшейся как по поводу, так и без оного.

– Придя в себя, старик, живо скумекавший, что может неплохо нажитья на таком сокровище, как я, взнуздal меня и направился в Тартесс, надеясь выручить за говорящую животину неплохие деньги. Что и произошло, когда он повстречался с вами.

– А я-то думала, с чего бы он заломил с нас такую несусветную цену, – нахмурила брови амазонка. – Словно породистого скакуна, а не паршивого ишака продавал.

– Но-но! – возмутился столь нелестной характеристикой длинноухий. – Полегче, подруга!

– Что ж это Мерланиус такого маху дал? – задумчиво молвила нимфа. – Оставил тебе речь. Странно...

– Полагаю, это вышло против его желания, – предположила Орланда. – Он просто не проверил, всецело полагаясь на свое могущество.

– Он не знал, что я поэт! – гордо воскликнул Стир. – Мы, служители Аполлона, обладаем особым даром...

– Те-те-те, – язвительно перебила его Орландина. – С каких это пор ты верующим заделался? Сам же бахвалился, что атеист, в богов не веришь.

Осел нахмурился:

– Когда это было. Я теперь на многое смотрю другими глазами.

– Ну да, ослиными, – подначила амазонка.

– Нет, ну и язва же ты! – покачала головой лесная богиня. – Как тебе до сих пор язычок не укоротили?

Орландина хотела было ответить зеленоволосой задаваке как следует, но сдержалась.

И в самом деле, какая это муха ее укусила? Неужели она так близко к сердцу приняла то, что произошло с ее мимолетным знакомым? Ведь если рассудить, какое ей дело до чужих бед и несчастий? Со своими бы помогли боги справиться. Так нет же. Что-то давит на сердце и заставляет его бешено колотиться, пылая лютой ненавистью к проклятому колдуну. А к этой ненависти примешивается еще нечто *неведомое*, которому она не найдет названия.

– Ладно, – закусила до крови губу. – Что делать-то будем? Ему можно чем-нибудь помочь? – не поднимая глаз на нимфу, спросила у Меотиды. – Ты как насчет того, чтобы попытаться снять заклятие?

– И пробовать не стану! – покачала головой зеленоволосая красавица. – Силенок у меня не хватит, чтобы тягаться с Мерланиусом.

– Тьфу, – сплюнула амазонка. – А еще лесной богиней зовешься!

– Договоришься! – пригрозила Меотида. – Сейчас как превращу тебя в жабу! Уж на это моей власти достаточно.

– Девочки, не ссорьтесь! – вмешалась Орланда, умоляюще заломив руки. – Тут человека спасти нужно!

Прознатчица опомнилась. И впрямь, на кого пасть раскрывает.

Угомонила и нимфа.

– Понимаете. Если бы это заклятие наложила какая-нибудь знахарка или колдунья, то снять его было бы несложно. Нашему Стиру достаточно было бы пожевать роз. И он вновь бы обрел свой прежний облик.

– Так вот зачем он бросился к розовому кусту! – поразила бывшая послушница. – Рецепт Апулея!

– Ну да! – подтвердил длинноухий. – Что ж я, «Метаморфозы» не читал, по-твоему? За кого ты меня принимаешь!

– И что теперь? – потупилась воительница для того, чтобы никто не увидел слез бессилия, внезапно выступивших у нее на глазах.

– Надо подумать... – протянула Меотида.

– А пока, может, сообразим что перекусить? – предложила Орланда.

– Тебе бы все лопать да лопать, – проворчала сестра. – И куда только все девается?

Завистливо окинула взором ладную фигурку девушки.

– Я не возражаю! – радостно проржал Стир. Ваал тоже был всеми четырьмя лапами «за». Нимфа воздержалась. Она ведь вкушала пищу не так, как люди.

– А вообще, как ты питаешься? – чавкая сочной куриной ножкой, поинтересовалась у Меотиды Орланда. – Нет, я, конечно, знаю о том, что пищу тебе надобно сжечь, чтобы ты вдыхала жертвенный дым и все такое... Но вот поконкретнее бы хотелось...

– Любопытство – большой порок! – совсем как Кезия, настоятельница Сераписской обители Марии-Магдалины, изрекла лесная богиня и сдвинула зеленые бровки.

– Нам, право, неудобно, – церемонно заявил Стир, оторвавшись от брюквины. – Мы набираем свои желудки, а дама...

– Помолчал бы, женский угодник, – фыркнула невесть чем раздосадованная амазонка.

Нимфа, прищуриль глаз, заинтересованно посмотрела на девушку. Побуравив ее минутную внимательным взглядом, вдруг хмыкнула и легонько хлопнула себя ладонью по лбу:

– Ну конечно же, как я сразу не поняла!

Сказала это тихо, обращаясь сама к себе, но Орландина краем уха чутко уловила ее слова.

– Что, нашла средство?! – вскинулась.

Меотида грустно покачала головой:

– Пока нет.

Прознатчица достала из седельной сумы объемистую флягу и поболтала ею. Внутри сосуда что-то забулькало.

– А то выпей, – прищурилась на зеленоволосую, – говорят, иногда помогает умственной деятельности.

– Что ты! – прикрикнула на нее всезнайка-сестра. – Ей же положено возлияние совершать!

– А и совершим! – пожала плечами амазонка. – Что нам стоит храм построить?

Встала на ноги, в два прыжка подскочила к алтарю и, откупорив пробку, начала тоненькой струйкой лить вино на землю перед жертвенником, приговаривая:

– Святая нимфа Меотида, прими наше возлияние и помоги нам!

Произнеся ритуальные слова три раза, низко поклонилась лесной богине и выжидающе стала разглядывать ее.

Сначала, казалось, ничего не произошло.

А потом нимфа... неожиданно икнула.

– Забористое! – утерлась рукой. – Фалернское, что ли? Давненько его не пивала!

– Тартесское! – ответила Орландина.

– Да? Стр-ранно. Впрочем, тоже весьма и весьма недур-рственно.

Заметив, что язык божества стал малость заплетаться, учтивая Орланда мигом сунула нимфе грушу. Та, не чинясь, приняла подношение и со смаком вгрызлась в желто-красный бок плода.

Любопытная христианка с раскрытым ртом созерцала, как насыщается «языческая демонница».

И вот что удивительно. За все это время Орланда ни разу не сотворила отгоняющую бесов молитву и даже не перекрестилась. Не потому ли, что амулет со странными письменами, висевший у нее на шее, был спокоен, не вещуя ничего опасного? Или оттого, что девушке была симпатична эта смешливая зеленоволосая красавица? А может, перевидав за последний месяц столько странного, начиная с Тартесса (если, конечно, не считать кратковременного столкновения с лешим еще в Сераписе), она уже просто перестала удивляться всему *необычному!*

Кто знает? Разве что один Господь Вседержитель.

– Хор-рош-шо-о! – сладко, аж косточки хрустнули, потянулась Меотида. – Ой, девки, до чего же хорошо жить! Сейчас бы сплясала...

Внезапно ее взгляд натолкнулся на скукожившегося Стира, вяло помахивавшего хвостиком, и нимфа спохватилась:

– Да! Поэт! Я придумала!

Ослик-стихотворец с надеждой поднял голову и поставил уши торчком.

– Тебе бы в Дельфы надо добратся, вот!

И внезапно перешла на торжественно-певучий гекзаметр:

Там, у оракула светлого Феба испросишь совета.

Бог-покровитель поэтов поможет тебе непременно.

В водах Кастальских очистишься, воздух вдохнешь ты
Парнасский.

Глядь, и спадет с плеч твоих ненавистная шкура, и уши,

Руки и ноги и прочие члены опять человечьими станут!

– Ух! – закончив пророчества, утерла пот со лба Меотида. – И хлопотное же это дело – прорицать будущее. Умаялась вся! Давненько этим не занималась.

– А поможет? – уныло усомнился Смир в действенности предлагаемого средства.

– Ты не веришь всемогуществу сребролукого Аполлона?! – грозно нахохлилась нимфа.

– Верю, верю! – отшатнулся от фурии серебристый ослик. – Но все же сомнения есть.

– Ну не поможет Феб, другие найдутся, – махнула рукой зеленоволосая, жадно присматриваясь к вожденной фляге. – У них там, в Дельфах, полно великих магов и чародеев. Как мухи вьются рядом с оракулом, ожидая выгодных клиентов.

– Одним словом, – подвела итог Орландина, – нужно двигаться в Дельфы?!

– Ага! – радостно подтвердила лесная боги ня. – Хуже все равно не будет, а так хоть надежда есть.

«Ничего себе крюк», – подумала воительница. Это ж совсем в другую сторону от Сицилии и их предполагаемого маршрута. Не один месяц добираться придется. И денег сколько изведут. Их и без того кот наплакал. Положим, не так и мало, чтобы им помереть с голоду, но все же...

Амазонка с сомнением посмотрела на Стира. Стоит ли этот незадачливый поэт того, чтобы они так о нем беспокоились, рисковали собственным благополучием?

Перевела взгляд на Орланду. Ну с этой все понятно. Как всегда, распахнула во всю ширь глазищи, полные слез, и молитвенно сложила на груди руки, ожидая сестрино решения. Хорошо устроилась. Нет бы самой хоть раз сделать ответственный шаг.

Ваал? Кусик снова залез на ослиную спину и что-то успокаивающе насвистывает в длинное волосатое ухо. Ишь, спелись, красавцы.

Поймав на себе лукавый взгляд зеленоволосой богини, Орланда с вызовом посмотрела ей прямо в глаза.

Меотида улыбалась во весь рот, легонько кивая амазонке головой.

И что ей только от нее надобно? Тоже ждет решения? А ее это каким боком задевает?

– Что ж... – Прознатчица сделала паузу, принимая окончательное решение. – В Дельфы так в Дельфы!

– Иисусе Христе, Сыне Божий! – радостно закрестилась несостоявшаяся монашка и тут же осеклась, подумав, что не очень удобно поминать святое имя в присутствии нимфы.

– Ур-ра! И-а! И-а! И-а! – взревел Стир.

«Ку-и! Ку-и!» – запищал кусик, словно и он понял, о чем идет речь.

А зеленоволосая продолжала кивать, все так же загадочно улыбаясь.

Глава 3 В УВЕЧНОМ ГОРОДЕ

– Ну и что там у нас с наличностью? – поинтересовалась Орландина, когда сестра закончила подсчет имеющихся у них средств.

Ланда вздохнула. Сумма, мягко говоря, не впечатляла.

– Пятнадцать ауреусов, двадцать денариев, три сестерция, – четко отрапортовала девушка. – Ну и мелочь... Мало.

– Ничего себе! – присвистнула амазонка. – Да мы настоящие богачи! Пятнадцать ауреусов! Почти шестнадцать. Шутка ли! Да мне за такие деньжищи в Сераписском вольном легионе год с хвостиком пахать надо было. Или полгода трубить на войне! А ты...

Она обиженно отвернулась.

Бывшая послушница не стала пререкаться. Сестра взвалила на нее обязанности финансиста и особенно не вникала, куда и на что идут деньги. А они таяли, утекая, словно вода сквозь пальцы. То за постой нужно было заплатить, то за проезд. Мостовой, въездной, выездной сборы. А продукты? В этой Италии везде такая дороговизна.

Предстоящий визит в Рим грозил нанести ощутимую брешь их сбережениям.

– Надо экономить, – в который раз напомнила христианка. – До Брундизия еще далеко. Да и кто знает, сколько с нас там возьмут за проезд до Ахайи. Уж точно не меньше, чем в Новом Карфагене. Опять же и до Дельф нужно будет добираться, и там платить за постой и за исцеление Стира...

– Вот уж навязался на нашу голову! – перенесла свое раздражение амазонка на несчастного поэта. – Не будь тебя, мы сейчас уже точно бы до Мавретании добрались!

Осел-стихотворец часто захлопал ресницами.

– Ну я же не просил...

– Заткнись, пожалуйста! – ткнула ему кулак в морду Орландина. – Что сделано, то сделано. Давайте лучше придумаем, как нам пополнить казну.

– Можно попросить подаяния Христа ради... – заикнулась было несостоявшаяся монашенка, но сестра одарила ее таким кислым взглядом, что Орланда поспешила закрыть рот на замок.

– Ну да, подадут, как же! Как увидят двух здоровых девок, да еще с нагруженным ослом, так сразу расчувствуются и слезу пустят! Придумай что-нибудь поумнее...

Они находились на возвышении к северу от города.

Рим лежал внизу среди холмов, весь в развалинах, будто после нашествия. Хотя последнее нашествие было тут несколько веков назад, а последний бунт – лет сто тому.

Девушки стали спускаться, миновали целую цепочку надгробий и въехали на небольшую площадь. Там валялись кучи отбросов, несло зловонием. По левую руку тянулся холм, заросший одичавшим виноградником.

Улицы, по которым они двигались, были узкие, со скверными мостовыми. Большая часть зданий была разрушена. Среди развороченных мраморных плит паслись тощие коровы и драные козы. Куда ни глянь, валялись кучи отбросов, от которых несло зловонием. Под ноги попадались неубранные трупы дохлых кошек и собак. В грязном городе холера была частой гостьей, и могильщики не оставались без работы.

Тут и там можно было видеть, как кто-то воровски разбирает стены, похищая камень... А вот на волах провезли мраморную колонну.

Между обитаемыми домами тянулись целые кварталы заброшенных жилищ, в трещинах стен зеленели ползучие растения. Огибая какой-то храм, они увидели, что внутри устроен загон для свиней. Запах смутил не только Орланду, но и ко многому привыкшую воительницу.

Не менее ядреный дух тянулся из подземелья какого-то дворца (вернее сказать, бывшего дворца). Видать, не первое поколение окрестных жителей пользовались им как отхожим местом (как будто канализацию не для них копали!).

Шум встречных повозок, дребезжавших на неровных камнях, был так силен, что Орландина едва улавливала слова сестры. Та показывала ей древние гробницы, Марсово поле близ Тибра, где жили самые бедные обитатели града, – их домишки ютились между старинными дворцами, столь обветшалыми, что они, казалось, могли рухнуть в любую минуту.

Стайки чумазых, одетых в отрепья детишек сновали по улочкам, пытаясь стянуть у зазевавшихся прохожих несколько монет или, если повезет, весь кошелек. Около грязных забегаловок околачивались полупьяные мужики со сломанными носами и подбитыми глазами, высматривавшие по сторонам с кем бы завести потасовку. Ночные горшки без предупреждения выплескивались на улицу или на неосторожного прохожего. Время от времени огромные крысы перебегали улочки и скрывались в грязных подворотнях.

Орландина чувствовала смесь жалости и брезгливости.

Рим, прародитель Империи, гражданкой которой она, как бы там ни было, всегда себя ощущала, оказался грудой загаженных развалин.

Но вот они добрались до мест, где уже было что-то похожее на нормальную городскую жизнь.

То был довольно большой, относительно чистый и упорядоченный базар, где имелись не только торговцы и мраморные прилавки для них, но и эдил с десятком стражников.

Торговые ряды показались наемнице очень опрятными и привлекательными. Женщины покупали здесь овощи и цветы, сыр, мясо и рыбу.

Впервые с тех пор, как они вошли в Вечный (нет, скорее уж увечный) город, ее настроение улучшилось.

Гостиница стояла на самом перекрестке.

Заведение было похуже достопамятного тартесского «Хозяина морей» (чтоб тот вертеп сожгли пьяные солдаты Аргантония!). В нем было три этажа. Комнаты хотя и небольшие и скудно обставленные, были чистыми, а с кухни доносился аппетитный запах.

Номера сдавали шлюхам, астрологам, борцам и колесничим, ворах средней руки, торговцам, небогатым путешественникам.

Впрочем, выбирать не приходилось. Это было первое более-менее нормальное жилье почти за два последних месяца.

Вещи им помог подтащить ловкий малый лет шестнадцати, пожилая же привратница взяла на себя заботу об Асинусе.

(После того как сестры узнали, что под ослиной шкурой скрывается бродячий певец и поэт Стир Максимус, ездить на нем верхом им показалось неудобным. По обоюдному согласию, длинноухий стал использоваться лишь для перевозки их нехитрого багажа.)

Пока сестра устраивалась в номере, проголодавшаяся послушница спустилась в триклиний постоялого двора, где за чистыми столиками чинно сидели или возлежали на ложах постояльцы, вкушая яства.

– Чего желаете? – осведомился у девушки подбежавший подавальщик. – Могу предложить восхитительный горячий хлеб, выпеченный с добавлением апельсинового сока. Начните с него, не прогадаете: это куда лучше, чем любое пирожное. Да, кстати, пирожные у нас тоже есть. А запить? стаканчик горячего вина или подогретое пиво с пряностями? А вот, кстати, и превосходнейший мед. А этот сыр приготовлен по рецепту императорских сыроварен. – Он

закатил глаза и аппетитно причмокнул губами. – А что скажете насчет этой прелестной колбасы? Укажу, что при ее приготовлении использовалось мясо телянка и молочного поросенка.

– А можно зайца? – робко поинтересовалась Орланда.

– Никаких зайцев! – отрезал подавальщик. – Заяц – это плебейская еда! У нас такого не подают.

– Ну тогда, пожалуйста, что-нибудь вот на эти деньги. – Она пододвинула в сторону официанта пару монет.

Лицо его отразило среднюю степень безразличия.

– За такие деньги у нас ничего не продают. Разве только... Сходите на кухню, там угостят «крысиным хвостом».

Услышав такое предложение, Орланда возмущенно вскочила, пытаясь вспомнить те слова, что иногда употребляла ее сестра, но, как назло, от волнения все забыла.

– Что такое, сестренка? – спросила воительница, уставившись на возмущенное личико ворвавшейся в номер христианки.

– Ну и цены у них! Он сказал, что за эти гроши мы можем получить только... Только крысиный хвост. Вот...

Орланда виновато потупилась, запнувшись.

– Ладно, будем, значитца, есть «крысиный хвост», что ж теперь делать? – философски произнесла амазонка и, увидев выражение лица сестры, поспешила объяснить ей, в чем дело. «Крысиным хвостом» именовалось кушанье, приготовляемое на постоялых дворах, ночлежках и вообще везде, где хозяева считают, что человек недалеко ушел от скотины.

Говорят, изобретший его повар получил награду от кого-то из правителей. Тот был весьма рад столь дешевому способу накормить подданных. Разнообразные объедки, накопившиеся за несколько дней или же задешево скупленные у лавочников куски – от сырных корок до переваренных овощей и шкурки от сала, старательно перемешивались, мелко рубились, а затем варились, превращаясь в условно съедобное рагу. Свое название сие кушанье получило вовсе не по популярному танцу, а потому, что, случалось, в заведениях средней паршивости в нем, по словам бывалых людей, можно было запросто найти эту часть тела серого пакостного грызуна.

Бывшая послушница тем не менее решительно отказалась от подобного блюда, и по обоюдному согласию было решено выделить еще пару монет на пропитание.

Поужинав и забрав немного еды для сестры, Орланда вернулась в номер и обнаружила, что ее спутница заснула.

Вздыхнув, она тоже легла, но сон не шел, и девушка раскрыла окно, некоторое время любясь открывавшимся с третьего этажа видом.

Западный край неба еще горел последними красками заката, с крыш стекал горьковатый и сладкий дым – город ужинал, перед тем как отойти ко сну.

Запахи рыбы и чечевицы, приправленной чесноком, щекотали ноздри.

Возле фонтана усталыми голосами переговаривались женщины, наполняющие амфоры водой, где-то кричали играющие дети...

Подобно горящим бабочкам, тут и там в сумерках затрепетали огоньки масляных светильников, красновато вспыхивали жерла жаровен, когда кто-то обмахивал уголья или вдвухвал в печь воздух через деревянную трубу.

Так она и задремала, сморенная Морфеем.

Наступило утро, солнце светило в окно сквозь оконный переплет и прозрачные роговые пластины.

Позавтракав и проведав Стира, сестры выбрались из гостиницы и остановились как вкопанные.

Прямо на площади давал представление бродячий цирк.

Нарумяненный полуголый канатоходец балансировал над толпой, делая вид, будто вот-вот упадет (а может, и в самом деле с трудом удерживался).

Зрители вопили от восторга, причем половина из них предвкушала, как бедолага вот-вот брякнется вниз. Крики ужаса сменялись восторженными аплодисментами.

А между делом шустрый мальчишка бегал среди зрителей, протягивая кувшин, куда те бросали плату за представление. Народ не скупился.

Потом под звуки египетской флейты из шатра появилась пышногрудая женщина в прозрачном покрывале. Она щелкала бичом, и тот обвивал ее тело, точно змея. У женщины были черные волосы и глубокие черные глаза.

Застучали барабаны – сначала медленно, потом все быстрее, и помощники вывели двух белых лошадей.

Снова свист бича – и лошади с громким ржанием опустились на колени. С неожиданной для ее комплекции легкостью женщина высоко подпрыгнула, встав широко расставленными стройными ногами на спины лошадей, и погнала их вскачь.

Затем выскользнули акробаты и мимы.

Акробаты проделывали просто фантастические трюки: изгибались, принимая немислимые позы. Их кульбиты поражали воображение. Казалось, для них не существует земного притяжения. А когда все восемь взгромоздились один на другого, образовав гигантскую пирамиду, и стали при этом делать всякие непристойные жесты, публика пришла в неописуемый восторг.

Акробатов сменили пожиратели огня, а затем жонглеры. Появившиеся после жонглеров менестрели играли на своих инструментах и пели песни.

Наконец, на площадку вышел полуголый мулат, за поясом которого торчало с дюжину кинжалов. Его сопровождала тоненькая девушка, на которой не было ничего, кроме символической набедренной повязки и тяжелого ожерелья, прикрывавшего грудь (слишком массивного, чтобы быть настоящим).

Два подручных установили сколоченный из досок щит, а затем как ни в чем не бывало принялись привязывать к нему девушку, не забывая как бы невзначай слегка сдвинуть ожерелье.

Артист тем временем демонстрировал почтеннейшей публике свое владение кинжалами.

Удивительно ловко он жонглировал одновременно шестью кинжалами: они летали, у него с такой скоростью, что были почти неразличимы, но каждый раз попадали рукояткой ему точно в ладонь. Казалось, они образовали сплошной сверкающий круг.

Амазонка с сожалением подумала про себя, что до такого ей далеко. Правда тут же уточнила, что в настоящем бою все эти выкрутасы мало помогут.

Циркач опять собрал кинжалы и начал теперь с силой кидать их в уже привязанную девушку.

Казалось, каждый бросок будет последним и пригвоздит красавицу к щиту. Но с невероятной ловкостью она уворачивалась от смертоносной стали.

Зрители вопили от восторга, не понимая, как она умудряется избежать рокового попадания. Кинжалы летели в нее один за другим, с невероятной быстротой, а она ни разу не отступила за край щита.

– Это невероятно! – выдохнула Орланда. – Этого не может быть. Наверно, здесь какой-нибудь фокус.

– Нет, – покачала головой амазонка, – тут все чисто. Просто они мастера своего дела. Я бы тоже смогла так бросить. Может не так красиво, но не хуже.

Номер закончился под восторженные крики публики, и жонглер опять собрал кинжалы.

Аплодисменты стихли, когда зрители поняли, что выступление еще не закончено.

Девушка встала спиной к щиту: ноги вместе, руки прижаты к телу.

Жонглер оставил себе на этот раз только пять кинжалов: три в правой руке и два в левой. Он выдержал драматическую паузу, и все в ожидании затаили дыхание глазами толпу.

Артист резко выбросил вперед обе руки одновременно, и в девушку полетели все пять кинжалов разом. В то же самое мгновение она раздвинула ноги и подняла руки на уровень плеч.

Кинжалы, выпущенные левой рукой, вонзились в дерево по обе стороны от ее шеи, причем настолько близко, что едва не поцарапали кожу. Из трех других кинжалов два вонзились прямо под мышками; обтянутые кожей рукоятки касались боков девушки. Пятый кинжал вонзился между ногами, почти там, где они переходили в лоно.

Жонглеры убежали, унеся на плечах щит с по-прежнему привязанной девицей.

Мальчик вновь обежал толпу, и было видно, что его кувшин изрядно потяжелел.

И тут к толпе вышел...

Орланда едва не упала со скамьи – к толпе вышел не кто иной, как пан Будря!!!

– Смотри! – толкнула она локтем сестру. – Это... это же...

– Да, я узнала, – вполголоса бросила амазонка.

Одет старый лех был смешно, хотя и пышно.

Длиннополый кафтан без рукавов, широкие бархатные штаны, заправленные в красные сапоги с отворотами, атласный кушак, на котором висела длинная кривая сабля: на взгляд Орланды, большая и страшная, а по мнению Орландины, тяжелая и неудобная в бою.

Интересно, что он будет делать? Фехтовать? Или еще какие-нибудь фокусы показывать?

Но вместо этого их давний знакомец заговорил.

– Вы думаете, цо перед вами какой-то никчемный старый толстяк?! – спросил он, обедев выкаченными

– Если бы вы знали, кто я, то лопнули бы от зависти! Я знатней любого патриция, если хотите знать! – выкрикнул Будря. По толпе пробежал смешок.

– Я – лех! – изрек он. – Да знаете ли вы вообще цо то есть: быть лехом?

Смешок переходил в хохот.

– Мы вольный народ! Мы дороже всего ценим свободу! – распинался Будря. – Мыслите, раз Артания нас когда-то завоевала, то владеет нами?! А вот дулю им! – Он изобразил пальцами правой руки странную фигуру. – Дулю с коровьим маслом! Про сто мы честный народ и соблюдаем присягу! – Зрите ли хохотали все громче. – Не верите?! Да если любой из вас одолжит мне хоть тысячу ауреусов, то я верну ему долг день в день!

Смех перешел в раскатистый хохот. Мысль одолжить бродяге из цирка тысячу золотых, видимо, казалась зрителям очень смешной.

– А землями своими мы владеем со времен Перкунаса, когда еще ни про какую Артанию и слышно не было!

Будря наливался кровью, продолжал разоряться на тему – какой замечательный народ лехи.

А Орланда сидела и думала об одном. Если тут имеется телохранитель тартесского царя, то, может быть, и сам Кар где-то близко? Байке о том, что толстяк мог предать своего юного господина, она не поверила.

После того как с неподдельной обидой на лице лех ушел в шатер, провожаемый насмешками, перед зрителями вместо давешнего мальчика появился с кувшином в руках сам владелец цирка. (Монеты тем не менее сыпались в кувшин довольно щедро.)

– Почтеннейшая публика, – вскричал он, – досточтимые римские граждане! А сейчас я, Петроний Апулей, представлю вам жемчужину моего скромного заведения – деву-вещунью из Гибернии.

И из шатра появилась тоненькая девчушка лет от силы пятнадцати, черноволосая, в длинной голубой хламиде.

– Уважаемые! – изрекла она. – Если кто-то же лает узнать свое будущее или получить совет от высших сил...

Орланда только что не заорала от удивления и радости.

Да, черный цвет волос! (Чем, интересно, красил?)

Да, явно выделяющийся бюст. (Тряпок напихал небось!)

Да, набеленное и нарумяненное лицо. (Не узнать!)

Но голос! Голос Кара!

Стало быть, жив и здоров, бесенок!

Тем временем к «дева-вещунье из Гибернии» уже подошли первые желающие...

И тут представление было прервано.

На площадь вышел патруль вегилов с пиками и дубинками.

– Почему скопление народа?! – возопил десятник. – Кто разрешил?

Петроний Апулей подскочил к нему, показал какую-то бирку, но тот остался непреклонен.

– Пр-приказываю прекратить! Р-разойтись!

Видать, страже попала под хвост вожжа или еще что-то, так что уже через пять минут толпа, недовольно ворча, разошлась, а циркачи угрюмо свернули свой шатер.

Орланда хотела было подойти к ним, но сестра решительно удержала.

– погоди! Вот когда они вернуться к себе, тогда и поговорим.

И отстав локтей на сто, они двинулись следом за артистами.

Идти пришлось примерно полчаса.

Цирк почтенного Апулея разместился как раз на бывшем Марсовом поле. На более-менее чистом пустыре стояло несколько дюжин палаток и фургонов – Апулей владел довольно большой труппой.

И вновь амазонка не позволила сестре немедленно приступить к делу, а некоторое время выжидала и изучала передвижной городок, благо зевак вокруг было немало.

Наконец она выбрала, с кем будет говорить. И выбор ее пал на давешнего мастера метания ножей.

Небрежной походкой подошла к нему, кидавшему свое оружие в раскрошенную деревянную колоду

– Кинжалы-то острые? – спросила жонглера.

Тот насмешливо взглянул на нее, но, увидев меч на поясе, подавил желание сказать что-то обидное.

– Проверь сама.

И резким движением бросил Орландине один из кинжалов.

Девушка без труда поймала клинок. Роговая рукоять не скользила в руке, а само оружие было выковано из превосходной толедской стали и было столь же превосходно заточено.

Лицо жонглера вытянулось при виде того, как ловко Орландина справилась с кинжалом.

– Похоже, ты не зря таскаешь меч, девица! Другая бы завизжала, как свинка под хряком.

– А скажи-ка ты мне, друг, что это у вас за дева-вещунья подвизалась? – спросила амазонка.

– Тебе зачем? – нахмурился циркач. – Если сманить куда решила...

– Нет, мы вот с сестрой совета у нее спросить хотим. – И Орландина выразительно повертела в пальцах золотую монету.

– А, – смягчился циркач, – это можно... Третья палатка отсюда – такая небольшая, заштопанная синей заплаткой. Там она и живет, с дядюшкой своим.

Глава 4 ЛЕСНОЙ КНЯЗЬ

Из кувшина, увенчанного высокой шапкой пены, Будря налил себе в кружку янтарного напитка, пригубил.

– М-м-м... – даже не промычал, а как-то промурлыкал лех.

– Тысенчу лет не пробовал ничего подобного! – радостно сообщил он. – Амброзия! Наконец-то нашли место, где нам подали настоящее пиво. А то в этом пшеклентом Риме пьют помой!

Сидящие с ним за одним столом путешественники были полностью согласны со старым воякой. Все они с радостью расстались с «Увечным городом»...

Надо сказать, когда сестры ввалились в палатку, где Будря и «дева-вещунья» отдыхали после представления, то лех очень испугался, решив, что девушки всенепременно выдадут обоим властям.

Но, повинувшись распоряжению Кара, успокоился.

Вполголоса они принялись рассказывать о своих злоключениях за прошедшие месяцы.

Кара и в самом деле собирались убить, свалив это на телохранителя. Причем вовсе не люди Аргантония – зря Орланда грешила на дядюшку.

То были чужаки. Насколько Кар мог понять, пикты.

Орландина про себя отметила, что участие в этом деле пиктов вообще-то недвусмысленно указывает на Артория, но промолчала.

Но Кар применил кое-что из тайных знаний его рода, на что убийцы, похоже не рассчитывали

– Меня родовой магии обучили еще в детстве, хотя и положено после шестнадцати по закону, – пояснил юноша.

Как они бежали из наполненного пьяным сбродом Аргантония Тартесса, как добрались до Италии и устроились в цирк Апулея – ну, то, что называется, была особая песня.

Сестры в свою очередь рассказали им о том, что пережили за эти два месяца. Особенно удивительной юному царю и его пестуну показалась история Асинуса-Стира. Поначалу они даже отказывались верить.

Ну, пришлось поэту, так сказать, продемонстрировать свои артистические способности. Соленая «Патрицианка и боцман» в исполнении осла привела Будрю в полный ступор. Орландина и Кар просто покатывались от хохота, а Орланда по привычке запунцовела.

А потом Кар безо всяких предисловий предложил девушкам идти вместе с ними. И двигаться как раз напрямиком в Дельфы, где ему можно будет заявить о своих правах на престол родного Тартесса, а девушкам – оправдаться перед лицом видящих истину жрецов и заодно – расколдовать осла, то есть Стира.

В отношении себя он рассудил, что двигаться вместе с бродячим цирком удобнее и безопаснее: ну кто же будет искать беглого царя в цирке!

Ему хватило ума (или знания людей) не пытаться предлагать владельцу драгоценности, а наняться в качестве фокусника, к тому же женского пола.

Может, уважаемый Петроний Апулей и подозревал что-то, но два новых работника давали неплохой доход, и этого было достаточно.

Будрю, кстати, взяли на весьма своеобразное амплуа: он рассказывал зрителям про свою родину, причем искренне, от всей души и, что удивительно, вполне серьезно. Но именно от этого все казалось очень смешным.

Двум новым (и, главное, симпатичным) артисткам хозяин цирка обрадовался. Орландина сговорила с метателем ножей, что он возьмет ее в ассистентки, а Орланду определили в новые сборщицы пожертвований вместо парнишки. Апулей здраво рассудил, что такой красавице зрители станут подавать щедрее. Особенно юноши и мужчины.

И вот уже три дня идут они к портовому городу Брундизию, чтобы напрямик оттуда попасть в Ахайю.

Тем временем местный житель, сидевший у стены на корточках и все время поглядывавший в их сторону, вдруг решительно встал и подошел к ним.

– Прощеньица просим, уважаемые, – изрек земледелец, комкая в руках драную шляпу.

– Ты, – обратился он к Орланде, – не христианка ли будешь?

– Да, я верую в Иисуса! – с достоинством ответила послушница.

– Это хорошо, грю! – обрадовался мужик. – Пафнутий меня звать. Я вот староста из тутошнего поселка. Как раз христианку мне и надобно. Видел, как ты перед едой молилась. – И продолжил: – А надобно мне тебя, потому как у нас тут беда приключилась, и только ты и можешь нам помочь!

– Это какая же беда?

– Да вот, – вздохнул староста, – ваша христианская нечисть завелась у нас. Энтот, как его – черт! Бес, стало быть.

– Не может быть! – лягнула Орланда первое, что пришло в голову.

– Как это не может? Черт, говорю, христианский, ваш то есть! Бес еще именуется.

– А может сатир или сильван? – робко спросил Кар.

Пейзанин укоризненно посмотрел на него.

– Ты, девчонка, помалкивай! Раз говорю черт, значит черт! Святых сильванов и сатиров тут уж лет сто двадцать не было! Как указ августа Магнуса Великого вышел, где сказано, что сатиров не бывает, они и ушли, обиделись, стало быть.

Орланда припомнила, что такой указ действительно был.

Птолемей Тридцать Седьмой Магнус в богов не верил, вообще ни в каких, и поэтому издал декрет об отсутствии нечистой силы (за что, говорят, и был утоплен во время купания морскими нимфами).

– Опять же по-нашему говорит плохо, ругается непонятными словами, вино не очень любит, а все больше пиво хлещет, вон как он, – неодобрительный жест в сторону Будри.

Толстый лех чуть не подавился и воинственно встопорщил усы. Лишь властный взгляд Кара заставил оскорбленного пана успокоиться.

– А он еще и разговаривает у вас? – изумилась Орланда.

– Разговаривает, – недовольно подтвердил гость. – Особливо с девками, перед тем как того... А козами и овцами брезгует – не сатир, стало быть. Сатир, как старики рассказывали, если, положим, идет пастушка со стадом, то он пастушку не тронет, а вот козочек попортить может. Святость блюли, с людьми не якшались.

Пафнутий благочестиво всхлипнул.

– Мы уж и не знали, что делать, но, слава богам, наш кузнец Адриан раньше плавал на ваш Святой остров, на Кандию то есть. И знает, что да как. Он-то и сказал, что надобно против этой скотины христианскую магию употребить. А уж мы не обидим, – пообещал староста. – Двадцать денариев дадим, если вы его прогоните! Всем обществом собирали.

Орландина начала подбирать выражения, чтобы указать, куда именно надо засунуть денарии почтенных земледельцев, но сестра, вдруг порывисто вскочив, перекрестилась и задала вопрос, заставивший амазонку выматериться про себя.

– Ну и где этот ваш черт? Рассказывайте!

– Сестра, ты бы не ходила, – вновь повторила Орланда, когда они прошли с полмили по лесу. – Ты ведь некрещеная, стало быть, дьявол для тебя опаснее...

– Ну да, – небрежно отмахнулась амазонка. – Мою сестру всякая нечисть рвать будет, а я в кустах отсиживаться?

– Бесу не страшен меч...

– Ты говорила уже. А я скажу – раз он девок портит, значит, есть чем. А раз есть чем, то, стало быть, это и отрезать можно. Надо еще посмотреть, так ли страшен ваш черт христианский, как вы его малюете.

Поняв, что толку не добьешься, Орланда смирилась.

И то ладно, что еле уговорила Кара с Будрей в деревне остаться. Юный царь так и рвался на бой с нечистью. Леха на подвиги тянуло гораздо меньше, но, как истинный шляхтич, он не мог допустить, чтобы прекрасные паненки шли одни ночью в темный лес. Только доводы Орландины, в два счета доказавшей, что пользы от них будет не так много, убедили парней (от «доказательств» амазонки у Будри еще долго будут болеть поясница и ушибленная рука).

Оставалось надеяться, что при виде честного креста бес убежит обратно в преисподнюю. На крайний случай, если сестра права, и сталь против него будет бесполезной.

В конце концов, в святых книгах говорится, что бесы не такие уж сильные.

Вот, к примеру, к их духовнику, отцу Митридату, они являлись после третьего кувшина вина, когда он не мог заплетающимся языком прочесть молитву...

Орландина думала совсем о другом.

За те несколько часов, пока они готовились к походу на нечисть, амазонка выяснила все подробности о Дьяволах, которые могла вспомнить сестра, заодно расспросив аборигенов, не исключая и одной пострадавшей – тетки уже не первой молодости.

Выходило, что это создание ниже ростом, чем средний человек, особой силой вроде не выделяющееся и ничем, кроме рогов, не вооруженное. Правда, размер рогов указывался разный – от воловьих до маленьких козых.

Кроме того, по сообщению сестры, бесы имели свиное рыло. А как знает всякий, свинью надо бить именно по пяточку – это самое болезненное место у хрюшек.

Впрочем, у нее были подозрения, что под личиной беса работает какой-нибудь приبلудный разбойник, и этого она боялась даже больше, чем нечисти. Ведь нечисть всегда боится людей. Не говоря уже о том, что Орландина однажды с нечистью билась и победила.

Орланда тревожно озиралась по сторонам. Лес был самым обычным. И деревья здесь росли тоже самые обычные. И цветы. Но уж если черт решил избрать его местом своего обитания, то дело, наверное, все же нечисто.

Внезапно откуда-то донеслась песня. Пели как-то не по-человечески, с бляением и подвыванием.

– Это он! – взвизгнула послушница, выставив вперед крест.

Орландина прислушалась. Пели по-куявски, а может, по-артанийски – и тот и другой языки наемница понимала с пятого на десятое.

Эх да на кровати да мужик,
Эх, с Дариною лежит.
Эх, а не мил мне Мирох,
Не купил мне серег,
Зато мил мне Яган,
Купил красный сарафан,
Разложил меня на лавке
Да яво примерить не дал!

– Что он поет? – дернула сестра Орландину за рукав куртки. – Ты понимаешь?
– Похабщину, – коротко ответила наемница.

Песня резко оборвалась. Затем началась другая – на смеси греческого и латыни. Содержание ее было ясным и недвусмысленным, и щеки у послушницы заалели. Да и Орландина тоже почувствовала, что готова покраснеть.

Место обитания нечистой силы они обнаружили неожиданно.

Вроде перед глазами были густые деревья с подлеском, а вот теперь полянка с родником и наспех сложенной хижинкой.

Хижина как хижина.

Ни черепов на кольях, ни серного дыма, ни пляшущих ведьм... Возможно, дьявол, поселившийся тут, был дьяволом миролюбивым, ценившим покой и не склонным творить зло? Может, даже, это какой-нибудь адский беженец, коему надоело служить князю Тьмы?

Сестры осторожно заглянули в хижину. Но там не было ничего, кроме пустой амфоры и подстилки из свежей травы, видимо предназначенной для того, чтобы творить на ней непотребства с зазевавшимися крестьянками.

– Невежливо вот так, без спросу, в чужой дом заглядывать-то, – послышалось у них за спиной.

Обернувшись Орландина увидела стоявшего между двух старых пиний толстого волосатого субъекта с рогами.

Видимо, это и был искомый дьявол.

Под пронзительным взглядом его желтых глаз рука Ласки сама собой потянулась к мечу. Несколько секунд воительница и «бес» внимательно разглядывали друг друга.

Рыжие вихры, торчащие во все стороны, россыпь конопушек, шербатый ухмыляющийся рот. Приплюснутый нос, вполне человеческий, так что «удар в пятак» как способ расправы отпадал. Хотя если по людскому носу вмазать, тоже мало не покажется.

Словно прочтя ее мысли, создание укоризненно покачало головой.

«Ну и рожа!» – подумала Орландина.

– Какая уж есть, – изрекла «рожа» в ответ.

«Мысли читает!» – испугалась воительница.

– Да их читать-то особливо не требуется! Все на личике написано!

«Ясно, охмуряет!»

– Не знаю уж там, что у меня написано и где, только если ты мысли читать умеешь, то прочти, что я вот этим ножиком с твоей шейкой могу сделать, – грозно изрекла амазонка, взмахнув скрамасаксом.

– И не совестно будет тебе, безоружного-то? – укоризненно покачал головой «черт».

Орландина слегка опешила.

Если бы в ответ он пообещал ее заколдовать или поднять на рога, то она бы не отреагировала, но вот так бить на жалость...

– Подожди, сестра, – вдруг бросила послушница, – кажется, я его знаю.

– Ну наконец-то! – просиял косматый рогоносец. – Я уж думал, не признаешь князя-то лесного!

Как ни в чем не бывало Орланда присела на поваленное дерево. Лесной князь плюхнулся наземь напротив нее. Ваал, выскочивший из хозяйкиной котомки, тут же уместился на руках у старого знакомца и довольно запищал, когда леший стал чесать у кусика за ушком.

Орландина спрятала меч в ножны, про себя прикидывая, куда в случае чего будет лучше садануть этого козлорогого, чтоб сразу с копыт долой? Впрочем, копыт у него не было, да и рожки не такие уж и большие, всего с мизинец. И вообще, напоминал он не нечисть, а очень волосатого мужика, вроде лучника Мамуки из третьей центурии ее вольного легиона.

Между тем ее сестра и лесной князь завели между собой беседу, из которой было ясно, что они и в самом деле раньше встречались.

Весть о тартесских безобразиях и превращенном в осла человеке он выслушал довольно спокойно. Зато, узнав, зачем они сюда явились, схватился за голову.

– О, бессмертные боги!!! Что же происходит в этом мире?! На родине житься почти не стало, так теперь и в древней Авзонии, где нас, князей лесных то есть, всегда чтили, на нас наемных убийц посылают!

– А не надо было девок портить!

– Эх ты сказанула! – хмыкнул сатир. – А что ж мне с ними делать? Да и портить тут, – хихикнул он, – особо некого! Вот, клянусь великим Паном, за месяц тебя первую встретил!

Он игриво подмигнул монашке.

– Ты ж вроде бы, князюшка, к Кастальскому ключу собирался, в Дельфы, – оборвала слишком фривольный разговор Орланда.

– Собирался, – кивнул тот. – И иду потихоньку. Да, вишь, застрял тут. Приболел малость. Решил отлежаться, откормиться. А тут и вести тревожные пришли. Жрецы дельфийские важными делами заняты, не до наших кувявских заморочек им.

– И чем же они таким занимаются?

– Темный Бог у нас на Гебе объявился, – просто сообщил лесной князь.

Я приду, я дам тебе власть над землей Египетской и Сирийской —
К твоим сандалиям ниспровергнутся враги во всю длину и ширину
Геба;

Я заставлю их узреть твою мощь, подобную мощи вращающейся
звезды,

Когда она проливает свои пылающие лучи и роняет свои кровавые
капли на луга.

Я приду, я позволю тебе завоевать людей Запада и Востока.

Крит будет поражен страхом, ужас воцарится в Аунако, восплачут
Вендия и Чжунго;

Я заставлю их узреть твою силу, подобную силе молодого быка,
Бесстрашного и быстрого в атаке.

Никто не осмелится противостоять тебе.

Я приду, я позволю тебе покорить народ болот,

Страх перед тобой охватит земли Британии;

Они узрят тебя во всей славе, подобного свирепому кракену;

О повелитель страха у моря, никто не осмелится приблизиться к
тебе.

– Пророчество о пришествии Темного Бога! – громко прошептала Орландина, когда сестра закончила читать зловещий гимн.

Орланда кивнула.

Эту песнь, сложенную в седой древности египетскими жрецами Амона, знали на Гебе многие. Но большинством она воспринималась просто как поэтическое творение предков. Жутковатое, но не имеющее реальной подоплеки. Мало ли что придет святым отцам в ум после долгих молений, постов и воздержаний.

Однако находились и такие люди, которые пытались утверждать, что все, о чем поется в песне, непременно сбудется. С ними одно время боролись. Но после укоренения на Гебе христианства эсхатологическое пророчество вошло в каноны новой веры, как подтверждение

мрачных видений святого Иоанна о конце света и пришествии Антихриста. И власти махнули рукой. Пусть себе верят, во что хотят. Лишь бы налоги исправно платили.

– Так ты думаешь, что пришло время...

– Не я, – возразил беглой послушнице леший. – Коллегия жрецов в святых Дельфах решила...

Глава 5

ГОРОД У МОРЯ

Весна наступала медленно, и если на Сицилии и в Иберии деревья уже покрылись листвою, то здесь они все еще не проснулись после долгой зимы.

А маленький караван тащился по старой Аппиевой дороге к Брундизию.

«Да, как ни крути, а образовался у них настоящий караван», – подумала Орландина.

Почти маленькое войско.

Четыре человека, плюс один бывший человек (ныне осел) и один представитель Древнего Народца. Ну еще один мелкий грызун. Без малого контуберний старого легиона или звено из нового.

Да, поневоле смешно становится: этакое маленькое войско.

Со стороны особенно хорошо смотрится – какая-то непонятная толстая тетка с девчонкой да брат с сестрой, разодетые как мимы и фигляры.

Осел, правда, хороший – молодой, гладкий и красивой серебристой масти.

Даже лешему нашлась роль.

Всем встречным они терпеливо разъясняли, что это *троглодит* – получеловек, редкая северная обезьяна из диких лесов, что в землях эстов и латов, доставшаяся им, честным циркачам, по случаю.

Иногда путешественники даже давали представления, в которых наряду с метанием ножей Орландины и гаданием Кара, показывали и Стира с лешим.

Осел «подпевал» играющему на волынке Будре, истошно завывая в такт, чем вызывал одобрительные крики, а лесной князь бил себя в косматую грудь кулаком, взрыкивал и с отвратительным чавканьем пожирал жареное мясо, приводя публику в настоящий экстаз.

Как ни удивительно покажется, но на лешего их спутники отреагировали вполне спокойно.

Причем равным образом и Будря («Ну, здрав будь, владыка лесной Борута, эк тебя занесло от родных краев!»), и Кар.

Они буквально тут же принялись оживленно беседовать о всяких отвлеченных материях и древней истории, в которой леший («О, пятьсот годков стукнуло!») неплохо разбирался.

Орланда даже немного обиделась на Кара и полдня дулась на приятеля. Ну понятное дело, с толстяком царю общаться приятнее. Все же князь, хотя и лесной, а не какая-то безродная послушница!

Вот, например, сегодняшним утром Кар и козлорогий обсуждали один случай, который мальчик вычитал в тартесских анналах.

Лет сто пятьдесят назад один юный пастух заснул в пещере отрогов Кантабрийских гор, а проснувшись, увидел, что рядом с ним храпит какой-то страшный волосатый и бородатый человекообразный урод. Бедный пастушок испугался до смерти и бросился бежать. Со скоростью ветра домчался он до ближайшей харчевни... Но его никто не послушал, и он поневоле вернулся к пещере, надеясь, что это ему привиделось – ведь нужно было забрать стадо.

Тем временем «чудовище» подкреплялось обедом пастуха, оставленным в суматохе. Оно уже все съело и легло подремать, когда на поляне появился паренек.

Не ясно, откуда взялась у юноши храбрость, но он спутал ремнями сонного троглодита, а потом все же уговорил взрослых пригнать к пещере лошадь с телегой.

Дикого лесного человека привезли в село.

Его помыли, побрили. Вскоре он более-менее обтесался, поступил в подручные к кузнецу и даже женился на вдове, народив с ней семерых здоровых сыновей и двух дочерей, хотя гово-

речь толком так и не научился. К старости дикий человек вновь ушел в чашу и жил в глуши лесной диким отшельником.

– Нет, это не наши, – пожал плечами леший. – Наши-то дикими не бывают. Ежели даже случится, упаси все боги, что погибнет семья, то хоть кто-то из лесного народа младенца подберет и воспитает как надо. И не дриады, по-нашему вилы, само собой. У тех вообще своих мужчин нет, они род свой все с другими продляют.

Рыжий сладко улыбнулся, видать вспоминая молодость.

– И не сатир с сильваном – у тех копыта! Надо бы посмотреть, конечно, но думаю, это йэтти вендийский, – важно изрек он.

Но чаще они беседовали о пророчестве о Темном Боге. Тут к ним присоединилась Орландида. И начиналось такое, что бедные мозги прознатчицы буквально закипали.

Кар читал по памяти соответствующие куски из тартесских хроник, несостоявшаяся монашка сыпала цитатами из христианских отцов церкви, а лесной князь припоминал эпизоды из северных саг и сказаний. Порою их диспуты доходили до такого накала, что, казалось, стоило поднести уголек, и все трое вспыхнут пламенем, как древняя птица Бену-Феникс.

Леший также немало времени проводил в беседах с ослом, то есть Стиром.

Причем лесной князь говорил вслух, а бедолага певец все больше отвечал мысленно – ему было трудновато говорить подолгу, ибо ослиная глотка все-таки не слишком приспособлена для человеческой речи (хотя порою, когда на поэта находила волна вдохновения, он мог болтать без умолку пару часов подряд).

«Ну и парочка – лешак да ишак!» – съязвила как-то Орландина, глядя на подобную «беседу».

И тут же одернула себя – да что ж она злая такая?! Можно подумать, Стир виноват.

Кстати, Орландина была единственной, не нашедшей общего языка с лесным князем.

Даже с ее сестрой тот вполне нормально общался.

Амазонка однажды спросила, как она с лешим-то не брезгует общаться? Ведь нечисть же натуральная.

– Он тоже тварь Божья, – отбрила Орландида. – Вон, святой Пафнутий с кентаврами общался и им проповедовал.

– Где ж он их только нашел?

Про себя, впрочем, прознатчица согласилась с сестрой. Ежели среди Малого Народца есть нечисть, то кто сказал, что среди него же не может водиться и «чисть»?

Но долго ли, коротко, а всякая дорога хороша еще и тем, что рано или поздно куда-нибудь да приведет.

Вот и они уже часа два как видят синюю полосу на горизонте – Иллирийское море и башни Брундизия.

Совсем скоро они войдут в его ворота.

В придорожных кустах они приготовились к вступлению под сень цивилизации.

Будря и Кар привели в порядок свой женский маскарад, Орландина – свой цирковой, чтобы посильнее отличаться от сестры, а на лешего, глухо ворчавшего, но особо не сопротивляющегося, надели ошейник, прикрепив его цепь к сбруе осла (то есть Стира).

В тени перед воротами просто на земле сидели стражники, как показалось амазонке, не сильно отличавшиеся от обыкновенных разбойников. Они азартно перебрасывались в кости.

Орландина остановилась рядом с ними и постояла немного, глядя на то, как скачут кости на чьем-то щите.

Наконец, один из стражников, видать старший, судя по рыжим косам, выбивающимся из-под шлема, франк, поднял глаза и с неудовольствием посмотрел на девушку снизу вверх

– Чего надо? – спросил он. – Я женат, так что если желаете заплатить натурой...

Стражники сдержанно захохотали.

– Мы идем в город, – ответила воительница.

– А, ну давайте... – равнодушно отозвался стражник. – Три асса с головы и один за скотину. Итого. – Он наморщил лоб, подсчитывая сумму. – Шестнадцать. Гони четыре сестерция!

– Это почему же?! – возмутилась Орланда.

– Нас четверо, да вот он, – ткнула она пальчиком в подошедшего поближе лешего, – да осел...

– Ты мне зубы не заговаривай! – начал сердиться стражник. – Вас пятеро! Ты, твой братец, баба с девчонкой, этот голый дед... Ну и осел, само собой. Пятью три – пятнадцать, плюс один. Итого шестнадцать ассов, или же четыре сестерция. Ишь, грамотная! Счету меня учить вздумала!

– Это не человек, а троглодит, он совсем дикий...

Бывшая послушница уже приготовилась выдать легенду об обезьяне неведомой северной породы, которую они хотят доставить в Александрию и выгодно продать, но стражника это интересовало менее всего.

– А мне, знаешь ли, подруга, насрать, проглотит он кого-то или нет. Думаешь, раз у него рога, то платить не надо? Давай, плати или проваливай.

Орланда порылась в кошельке, вынула серебряный денарий и с вздохом сунула ему деньги, про себя порадовавшись, что хоть кусик сидит у нее в сумке.

И, как назло, Ваал решил посмотреть, из-за чего сыр-бор разгорелся, и высунулся.

– О, крыса! – радостно воскликнул стражник. – Еще асс с тебя!

– А сдача? – спросила она, глядя, как старший патруля по-хозяйски спрятал монету в пояс.

– Локи с Бальдуrom подадут! – отрезал страж порядка.

Но это было еще не все.

– Идите, давайте, регистрацию получайте, – приказал франк, возвращаясь к прерванной игре.

Войдя в ворота, они обнаружили сидящего за колченогим столом писаря, упитанного, в штанах персидского атласа и синей форменной тунике. Перед ним стояла большая чернильница, лежали перья и листы папируса низшего сорта рядом с тонкой дорогой веленовой бумагой. На пальцах чиновника были чернила, а на лице важная мина, столь обычная у представителя власти.

Когда путники приблизились, писарь с неудовольствием оглядел их. Они назвали ему свои имена, естественно фальшивые. Тот записал их.

– Вы здесь по какому делу? – спросил писарь.

– Мы путешествуем, – ответила Орланда. – Даем представления для увеселения граждан. Может, попробуем наняться здесь на работу.

– Ясно, бродяги, – недовольно проворчал чиновник. – Здесь их и так пруд пруди. Вам известно, что должники подвергаются у нас наказанию кнутом и ссылке на общественные работы без различия пола и возраста?

– У нас есть деньги. – Девушка показала кошель.

Стоявшая рядом Орландина едва сдерживала брань. Примерно то же происходило и с Будрей, который уже давно показал бы писаришке, где раки зимуют, если бы не настойчивые просьбы Кара смириться с неизбежным и не привлекать к ним лишнего внимания.

– Что ж, тогда вам полагается сначала снять комнату или другое жилье. Не положено спать на улицах или на площадях. Как только вы найдете жилье, немедленно явитесь в канцелярию квестора. Каждую неделю вы обязаны являться туда и докладывать о себе. Не сделаете этого – стражники разыщут вас и отправят в тюрьму, если выяснится, что вы не в состоянии заплатить штраф. Когда будете уезжать, сообщите об этом мне, и я вычеркну вас из списков. За

незаконную морскую торговлю и контрабанду – каторжные работы на железных рудниках. За проституцию без разрешения магистрата – ссылка за сто первую милю. За... Одним словом, нечего мне с вами болтать – все и так должно быть понятно.

Причина торопливости писарчука была самая прозаическая: в ворота въезжал торговый обоз.

Он пододвинул им папирусный квиточек с каракулями – видать, ту самую «регистрацию».

– С вас асс, – добавил он. – И побыстрее.

Орланда нарочно выбрала самую истертую монету, но чиновник ей не побрезговал.

– Куда катится Империя? – фыркнул Будря, когда они отошли прочь.

– Это еще что! – хмыкнула Орландина. – В Персии, в иных городах каждому въезжающему, если он не какой-нибудь знатный хмырь, выдают бирку, которую надо носить на шее. А если поймают без такой бирки, без разговоров посылают на каторгу.

По главной улице Брундизия – улице Спартака, носившей явные следы упадка, они двинулись к центру города, где в заброшенном храме Сатурна была сооружена главная муниципальная гостиница.

По сторонам наемница почти не смотрела – чужие города успели ей приесться.

Уже добрались до площади, когда топот копыт за спиной заставил Орландину обернуться. Двое вооруженных всадников рысью двигались в их сторону.

У нее кольнуло сердце – а вдруг ищут их?

– Ух ты! – в неподдельном восторге дернула ее за рукав сестра. – Это же рыцари. Кажется, Мечехвосты, по одежде вроде бы.

– Удивила! Да знаю я этих рыцарей, – пожала плечами Орландина. – На Сицилии торчал у нас в тылу целый штандарт ихний, человек пятьсот. Только вот не воевали они. Говорили, мол, невместно христианину и истинному воину биться с взбесившимися мужиками и горожанами.

– И верно, если подумать, – продолжила она. – Зачем в грязи копаться, если для такого дела грязные наемники есть?

Тем не менее слегка успокоилась. Вряд ли столь упорные во всем, что касается их чести, люди, взялись бы охотиться на двух девушек, одна из которых все же христианка.

Орланда выразила своим видом несогласие, но промолчала.

Как это ни удивительно может показаться, но именно вера Христова, проповедовавшая добро и кротость, в противовес злым и мстительным языческим богам, дала едва ли не лучших бойцов в имперскую армию. Уж во всяком случае, держала монополию на тяжелую кавалерию.

Четыре рыцарских ордена – Мечехвосты, Алого Креста, Святого Острова и Копья Лонгинуса, унаследовавшие традиции и выучку от приплывших когда-то на бывшую Кандию «крестоносцев», – были в этом смысле вне конкуренции.

В этих орденах особо отобранных мальчиков (обычно сирот из монастырских приютов) с раннего детства обучали трудной науке конного боя, выковывая из них непобедимых всадников, лет триста назад остановивших ужасных гуннов и не давших аварам подмять Империю под себя.

Нельзя сказать, что Александрия не пыталась создать что-либо подобное. Но все попытки терпели неудачу. Во всяком случае, выходившие из классов императорских хилиархов всадники с трудом вытягивали на уровень младшего оруженосца самого захудалого командорства.

И даже Орландине было хорошо понятно почему. Средний рыцарь мог пробежать легкой трусцой полмили в четырехпудовом доспехе, а потом выдержать три получасовые схватки.

Для него не составляло труда сделать в панцире стойку на руках и так пройти по гребню крепостной стены на высоте в двадцать человеческих ростов. А их секиру Орландина еще бы могла поднять, но вот драться ею...

И все потому, что воинов этих учили с самого раннего детства.

Орландина, впрочем, молчала недолго и рассказала спутникам пришедшийся к случаю анекдот.

Некий дракон долгое время жил спокойно в Серых горах, что на границе с Чжунго, пока не пришел рыцарь, чтобы победить его.

Он залез бедному дракоше в ухо, ибо воин думал, что ухо этого дракона – пещера, в которой живет чудовище. И этот глупый рыцарь как заорал в ухо бедному чудищу: «Эй, образина, выходи биться».

На что дракон ответил: «Слушай, рыцарь, я не против подраться, только сперва из уха вылезь».

Рыцарь тут же понял, насколько огромен монстр, очень испугался и сказал: «Ой, извините, я, кажется, ошибся пещерой».

Когда-то огромный храм старика-Сатурна ныне был разделен на множество клетушек, соединенных коридорами.

Две такие клетушки они и получили в обмен на ауреус – на десять дней.

Стиру пришлось довольствоваться местом в конюшне.

Орландина еще добавила, что надеется, что кобылы не будут его помогать, и пробормотала извинения, увидев скатившуюся из глаз поэта слезу.

Там же, в примыкавшем к конюшням зверинце (видать, к постояльцам со зверьем тут привыкли) был определен и «троглодит».

А Орланда, наведя справки у портье, направилась в «Зубастого кита» – таверну, где собирались арматоры и капитаны и где можно было без проблем найти место на каком-то из идущих в Грецию кораблей.

Оную таверну она нашла быстро.

По вывеске, где создание, похожее на головастика-переростка, широко раскрывало пасть с длинными зубами, которых вполне хватило бы на пятерых матерых волков.

Но, видимо, сегодня был не ее день. Капитанов или даже завалящего суперкарго в кабачке сейчас не нашлось.

Оставалось ждать.

Она заказала стакан разбавленного на две трети вина и седло ягненка (некоторое время пыталась вспомнить, не постный ли день сегодня, а потом махнула рукой). И уже приготовилась поесть, как вдруг в заведение кто-то вошел, шумно хлопнув дверью.

Подняла взгляд – вдруг да судовладелец пришел искать пассажиров. И слегка испугалась – в «Зубастого кита» пришли двое давешних рыцарей.

Тот, что постарше, подошел к стойке, небрежно швырнул на вытертый мрамор бронзовый кругляш монеты.

– Рому! – потребовал он.

Служка подал ему стакан, и рыцарь тут же осушил его, не закусывая. Крякнул, обтер усы.

– Хорошая водичка, разрази меня акулий хвост через три брашпиля! – похвалил он напиток, брезгливо отпихнув пару ассов сдачи, протянутых подавальщиком.

И добавил себе под нос еще что-то, чего Орланда не поняла – уж больно замысловато прозвучало.

Несостоявшаяся монашка удивилась столь странным вкусам воина Божьего.

Уже лет сто как римские трактирщики додумались перегнать перебродивший сок сахарного тростника, получив крепкий бурый напиток, именуемый «романское пойло». Или коротко – ром. По непонятной причине именно его полюбили пираты Заморских королевств (в Среднем море корсары по-прежнему предпочитали вино).

Но, судя по потемневшему от южного солнца лицу, человек как раз прибыл из жарких стран. Приглядевшись, девушка убедилась, что, пожалуй, права – в его ухе болталась серьга

с большой жемчужиной, а косолапая походка изобличала бывшего моряка. И речь содержала непонятные ей морские термины.

Но вроде она не слышала, чтобы рыцари воевали в Заморских королевствах.

– Сто монет! – повторил он, обращаясь к своему молодому приятелю. – Ну что, думаешь, нам делать, дружище?

– А что, уважаемый Эомай, придется раскошелиться, хошь не хошь!

– Эх, – ударил ладонью в стол смуглый, – это же надо, что творят, крысы трюмные! Сто монет с человека! За рейс до Малаки! Причем без коней! Да британские корабельщики за рейс в Антилию впятеро меньше берут! Говорят, пираты одолели! А какие тут пираты?! Смех один...

Он задумчиво поиграл медальоном, висящим на груди на стальной цепочке – восьмиконечная звезда и два перекрещенных меча на фоне круглого щита.

– Ладно, Арнау, пожалуй, иди и соглашайся. Отдадим этому кровопийце три сотни сестерциев. Как-нибудь там прокормимся, ремни подтянем.

Орланда вздохнула.

Вот у этих двух воинов какое-нибудь благочестивое дело в Малаке. Едут они туда, и никто их не преследует и не ловит. И не мажутся они белилами, как законный тартесский царь, и не выдают себя за бродяг, как они с сестрой.

Прочтя короткую молитву и перекрестившись, она принялась за еду.

– Прошу прощения, что нарушаю ваше уединение. – За ее столик подсел тот из рыцарей, коего, как она успела узнать, звали Эомаем. – Встретить единоверцев в этой дыре в первый же день... Кстати, как вас зовут?

– Орланда, – сообщила она свое настоящее имя. – Я тут проездом... Из Тартесса.

– Вот как? – Он удивился и заинтересовался. – Ну и как там в Тартессе?

– Плохо, – вздохнула она. – Законного царя свергли, смута...

– Да, слышал. Но вот нам как раз нужно именно туда, встретиться с владыкой Аргантонием.

Она слегка испугалась.

Кто их знает, этих людей, и какие у них, пусть даже они и рыцари христианские, дела со ставленником Артория? Вон Кезия тоже ух какой благочестивой была, и на тебе! У него, наверное, свои люди везде. Возможно, уже и во дворце. И угораздило же ее назвать настоящее имя.

Но тут Эомай развеял ее опасения:

– Мы с моим спутником, отважным рыцарем Арнау, ищем человека, ограбившего ризницу в Эдесском командорстве и ранившего пытавшегося помешать ему брата. По достоверным сведениям, он сейчас в свите Артория. В этом... ордене Стоячих Камней.

Было видно, что этот орден воин не очень любит.

– Мы хотим потребовать его выдачи. Вон, – хлопнул он по сумке на поясе, – и мандат получили в канцелярии пропретора.

Орланда украдкой внимательно изучала своего собеседника.

Это был человек мужественного вида и невысокого роста, хотя и атлетического телосложения. Черная бородка была аккуратно подстрижена, обветренное и покрытое здоровым загаром лицо с прямым носом, темными выразительными глазами и плотно сжатым ртом напоминало лицо римлянина со статуй старой империи. Приглядевшись, можно было понять, что лет ему не так и много, около тридцати.

Простое дорожное одеяние, на которое нашит потемневший знак ордена – морской скат с поднятым для боя острым хвостом.

На груди – серебряная медаль-фалера за храбрость, с портретом августи Птолемея (каким он был лет сорок назад).

Где-то успел повоевать...

На рукаве круглая красная нашивка за тяжелое ранение. На поясе вместе с мечом висел кинжал в ножнах необыкновенно тонкой работы; клинок из тяжелой синеватой стали был не шире двух ее пальцев.

С непонятным облегчением убедилась в отсутствии белого монашеского подворотничка. Стало быть, не воин-монах, а обычный, светский брат ордена. Впрочем, сейчас настоящих монахов в воинских орденах мало – даже не все комтуры...

И еще, было в облике Эомая что-то подкупающее и располагающее к себе. Такое смутное ощущение надежности и защищенности.

Можно ли удивляться, что через полчаса они вместе покинули харчевню и Эомай вызвался проводить ее до гостиницы.

Она впервые в жизни просто шла с мужчиной и беседовала.

О чем?

Да так уж ли это важно?

Леший заговорщицки поманил Кара и, прищурившись, спросил:

– Как, паря, прогуляться не желаешь?

– То куда пан Борута зовет пана ясного круля? – встревоженной насадкой прикрыл Будря мальчика своей широкой грудью. – И для чего?

– Не бойсь, не по девкам шариться, – пошло захихикал козлорогий и, посмотрев на зардевшегося парня, добавил: – Хотя, зрю, кой-кто уже и зараз не прочь.

И уже серьезно добавил:

– Обретаются тут людишки, у коих можно порасспросить да поразведать про Темного Бога...

Юноша мигом напрягся.

– А ты откуда знаешь? – азартно зажглись его голубые глазенки. – Или бывал уже здесь?

– Это в Брундизии-то? Не приходилось, врать не стану. Вот дядька мой сказывал, что заносила его как-то судьбина в сей городишко. Аккурат, когда сюда Спартак со своим войском шествовал.

– Ничего себе! – присвистнул царь-беглец. – Так все-таки откуда информация?

– Эх, паря, – похлопал его по плечу лесной князь, отчего усатый лех помимо воли дернулся. – Не все на красных девок потребно заглядываться. И не перечь старшим! – цыкнул на мальчика, когда тот, насупив брови, попытался что-то возразить.

– Пан Борута! Не вольно так с ясным паном крулем мувить!

– Да и ты помолчи, свиристелка усатая, – осадил воеводу куявец, – когда иные дело бают. Не елозь, не елозь рукой-то, твой меч вот он где.

Показал пану его фамильный меч, невесть каким образом оказавшийся в руках у рыжего рогатого толстяка. Видя, что Будрины глаза налились дурной кровью, помахал у него перед глазами пятерней, молвил пару слов на своем наречии и вернул леху оружие.

– Будрыс, уймись! – топнул ножкой мальчик. – А ты, господин, продолжай.

– Листочек занятный приметил, на стене висящий. Причем висел не в одном месте. Ну я любопытства ради и прихватил один.

Протянул Кару небольшой листок дешевого папируса, на которых обыкновенно писали всякие объявления.

На листке, обведенный траурно-черной рамочкой, красовался призыв:

«Храм Последних Темных Дней приглашает всех граждан, которым не безразличны судьбы Отечества и Геба, на богослужение, посвященное изгнанию Темного Бога».

Ниже буквицами поменьше указывался адрес, по которому располагался храм: улица Птолемея Пятнадцатого, в помещении театра Флавия.

– Не мыслю, что много там узнаем, однако все лучше, чем в этом клоповнике обретаться.
– Я иду! – решительно молвил царь и вопрошающе глянул на Будрю.

Тот покрутил, покрутил свой ус и неохотно кивнул:

– Нех бенде! Хотя, бей меня Перкунас своими молниями, не по нраву мне твоя затея, пане леший! Совсем не по нраву!

Театр Флавия, наверное, в свое время был весьма популярным в Брундизии заведением. Об этом свидетельствовало уже одно то, что находился он на центральной улице города. Да и фасад здания еще хранил остатки былой роскоши: не полностью опала позолота на резной вывеске, изваяния девяти муз находились в относительно ухоженном состоянии.

Однако в связи с общим упадком интереса граждан этой части Империи к изящным искусствам, начавшимся с четверть века назад, театр захирел и сдавался нынешним его владельцем в аренду тем, кто мог дать более-менее приличные деньги.

На входе троюцу неофитов встретил худосочный бледный тип, одетый в черный балахон с откинутым капюшоном.

– Ваше приглашение, – обратился он с поклоном к Будре, наверное вызвавшему наибольшее уважение своей дородностью и внушительной физиономией

Лех недоумевающе оглянулся на своих спутников. Какое еще приглашение, разве вход не свободный?

Козлорогий, сориентировавшись, сунул ему в руку листок с объявлением.

– Это? – спросил вояка, протягивая папирус привратнику.

Тот с поклоном принял лист.

– Прошу шесть денариев, господин.

– Як то? – шарахнулся лех. – За цо?

– Благотворительный взнос, – развел руками тощий. – На борьбу с Темным Богом. Разве господин не хочет, чтобы враг человеческий был повержен?

– Господин хочет! – заверил его Кар, преобольно наступая на ногу своему телохранителю. – Очень хочет, не правда ли?!

– Так есть, так есть! – поспешил согласиться Будря, доставая из кисета шесть монет.

Приняв взнос, привратник достал из кипы, лежавшей рядом с ним, три точно таких же балахона, в который был облачен и он сам.

– Господа могут переодеться прямо здесь.

– Зачем?! – воспротивился лех.

– Ну, возможно, господин не хочет, чтобы его узнали. Наше собрание хотя и открытое для всех, но разумные меры предосторожности не помешают. Не ровен час, просочатся слуги Темного Бога. Наряд поможет скрыться от их дурных глаз.

– Разумно! – восхитился леший, помогая Будре облачиться.

Царь справился с одеванием самостоятельно.

– На выходе сдадите, – предупредил привратник, всучивая каждому из них по небольшому клочку папируса. – Не забудьте накинуть капюшоны.

– То есть справжний лехотрус! – возмутился телохранитель, шествуя в глубь здания. – Выдуривают у людей деньги, злодеи бессовестные!

Пройдя по длинному темному коридору, едва освещаемому несколькими тусклыми светильниками, они попали в довольно вместительный зал, в котором находилось три или четыре десятка людей, одетых все в те же черные балахоны. Одевания сливались с обивкой стен. Света здесь тоже было не больше, чем в давешнем коридоре. Четыре факела по углам да пара в центре, прямо над большим столом, покрытым все тем же черным сукном.

Кару вдруг сделалось жутковато, и он вцепился в руку лешего.

– Не робей, паря, – подбодрил мальчика лесной князь. – Они не страшные. Играют только.

Непонятно откуда рядом со столом возникла человеческая фигура.

– Граждане! – глухо зазвучал голос из-под капюшона. – Последние Темные Дни, о которых вот уже три столетия предупреждала наша церковь, не за горами.

– У-у-у! – раздался в ответ встревоженный людской ропот.

Говорящий поднял руку, и гул умолк.

– Темный Бог уже явился на наш родной Геб, как говорят иные, и начал опутывать все своими сетями зла!...

– Открыл Аунако! – съехидничал козлорогий, но на него устыжающе цыкнули.

– И что же нам теперь делать? Что делать, я вас спрашиваю, благородные квириты? Поддаться соблазну и, поклонившись врагу человеческому, пойти к нему в услужение?

– Нет! Нет! – загремело под сводами.

– Нет! – возопил и поддавшийся общему настроению Будря. – Не позволяем!

– Правильно, благородные квириты и чужеземцы! Не позволим врагу завладеть нашими душами и телами! Нужно обороняться.

– Да! Да! – согласилась с оратором толпа.

– Но как, спросите вы? Простое оружие, сделанное руками человека, бессильно причинить вред Темному Богу! Значит, нужно найти нечто такое, чем его можно повергнуть во прах! И необходимы те, кто сумеет удержать в руках это сверхоружие! Нам следует призвать Небесное Воинство!

– Небесное Воинство! – пролетел восторженный вздох-всхлип.

– Сейчас зачнет денег просить, – разочарованно сказал леший и оказался прав.

– Но для этого потребуется много средств. Так неужто ж вы, благородные квириты и чужеземцы, пожалеете внести малую лепту на великое дело?

– Нет! Нет!

– Да! – нестройным диссонансом вплелся в общий хор звериный вопль Будри.

– Что? – возвысил голос оратор. – Кто сказал: «да»?

– Да! – поспешил на выручку верному слуге Кар. – Не пожалеем!

– Правильно! – поддержал леший и заухал, заулюлюкал на разные лады.

Несколько широкоплечих чернобалахонников, уже начавших было угрожающе приближаться к прижимистому леху, вдруг остановились, и их движения замедлились...

Мальчик заметил, что двое или трое из них бессильно привалились к стене и словно оцепенели. Он с уважением посмотрел на лесного князя. Ну и умелец!

Между присутствующими в зале начал медленно двигаться собиратель подаяний с большим коробом в руках. Зазвенели монеты. Кое-кто даже бросал кошельки. Судя по тупому звуку, достаточно увесистые.

Еще один ражий детина принялся обносить жертвователей подносом, уставленным стаканами, прикрытыми сверху небольшим хлебцем. «Прихожане» благодарно принимали угощение, медленными глоточками осушали напиток и закусывали.

Будря, горя желанием залить пламень тоски по очередным выброшенным на ветер денариям, заграбастал свою порцию и одним махом хлобыстнул подношение, приготовившись при необходимости по-молодецки хакнуть и занюхать печеньцем. Но тут же соорудил страдальческую рожу и выплюнул пойло изо рта.

– Вот уроды! – возмущенно выругался воин. – И тут лехотрон! За такие деньги простой водой поить!

– Вознесем же песнь, призывающую Небесное Воинство! – торжественно воздел длани вверх человек у стола.

Света в зале чуток прибавилось.

Окружающие Кара и его компаньонов люди начали расправлять в руках какие-то клочки папируса. Тут тартессит вспомнил, что и у них есть точно такие же, врученные привратником.

Развернув свою записку, он впился глазами в неровные строчки, нацарапанные скверным почерком. Прочитав их, мальчик удивленно спросил:

– Что, что это?!

– Вторая часть пророчества! – торжественно ответил житель куявских лесов. – Таки не зря мы сюда забрели! А то я уже беспокоиться начал, что подвело старика чутье...

– Но разве она существует?!

– Да тише ты, пострел. Не ровен час, услышат. Выходит, что наличествует. Только ты нашим девам до поры-то до времени не трепись. Лады?

Глава 6

ПРИЯТНАЯ ПРОГУЛКА

– Ой, да не беспокойтесь вы так! – всплескивал руками маленький, весь какой-то сдобный, похожий на булочку с корицей капитан. – В это время года нет ни штормов, ни бурь. Вся поездка займет не более суток и станет для вас приятной прогулкой!

– А пираты? – воинственно подкручивал ус Будря. – Цо пан мувит о пиратах?

– Да-да! – подхватила всезнайка Орланды. – Я слышала, что в последнее время в здешних водах участились нападения пиратов на торговые и рыбацкие корабли.

На пухлом лице моряка заиграла масляная улыбка.

– Ой, да кто позарится на мое корыто...

Тут он понял, что сморозил явную глупость и поправился:

– Я хотел сказать, что наш корабль такой быстроходный, что за ним ни одному пиратскому судну не угнаться.

– Ну да, ну да, – поддакнула Орланды, скептически глянув на «Октавию».

Характеристика, данная этому плававшему средству его владельцем, была как нельзя более меткой. Корыто, оно корыто и есть.

– Так что, по рукам? – заволновался морской волк, видя, что верный заработок может ускользнуть из его цепких рук.

Терять пятнадцать ауреусов ему ой как не хотелось. Для него это было целое состояние. На эти деньги можно сделать капитальный ремонт, купить новые паруса. Тогда «Октавия», знавшая и лучшие времена, сможет еще долго и верно служить своему хозяину.

Путники переглянулись.

Цена, заломленная капитаном за обычный рейс до Патр, была просто несусветной. Правда, сначала он вообще запросил с них двадцать пять ауреусов, мотивируя это тем, что соглашается брать на борт «всякую живность» (имея в виду осла, кусика и лешего, принятого за диковинную обезьяну) и берет на себя урегулирование «проблем с властями». То есть, попросту говоря, не сообщит, куда следует, о группе подозрительных пассажиров, торопящихся убраться из Италии в Ахайю.

Почему «подозрительных»? Ну, это и самим господам должно быть очевидным. Как прикажете воспринимать юного нобиля, переодетого в хламиду, но при этом имеющего такую благородную осанку и повадки персоны, привыкшей повелевать. Рядом с ним двое телохранителей, маскирующихся под селян, но то и дело тянущихся к поясу, словно там должен добрый меч висеть. Причем один явно иностранец, а второй – переодетая в мужика девица...

(Орланды чуть на куски не разорвала остроглазого нахала; она-то наивно полагала, что ее маскировка удалась на славу.)

...Ну и пышная красавица. То ли нянька, то ли возлюбленная молодого господина...

(Тут пришел черед Ланде раскраснеться, словно маков цвет; чего-чего, но подобного она не ожидала. Любовница?! Хм, хм...)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.